

〈№ 2. — Февраль 1859 года.〉

Итальянский вопрос. — Чувство, с которым встречены во Франции слухи о войне. — Брошюра «*Augons-nous la guerre?*» — Колебания, оставляющие всех в недоумении. — Побуждения к войне у Наполеона III и у Сардинии. — Соображения, заставляющие англичан идти против желаний Сардинии. — Речь сардинского короля. — Прения о займе в сардинской палате депутатов. — Бракосочетание принца Наполеона и принцессы Клотильды. — Сардинский заем. — Параллельность миролюбивых и воинственных манифестаций во Франции. — Речи Наполеона III и Морни 7 и 8 февраля. — Нынешнее положение итальянского вопроса. — Парламентская реформа в Англии. — Отношения английской журналистики к Брайту. — Бредфордский митинг и билль Брайга. — Митинг лондонских хартистов. — Проект Times'a. — Рочдельская речь. — Билль министерства. — События на Ионических островах. — Выбор Александра Кузы в Валахии. — Изгнание Сулука.

Вся Западная Европа занята приготовлениями к войне; вся Европа встревожена слухами о ее неизбежности. Мы не будем пересказывать слухов, носившихся еще с половины прошлого года, если не раньше. Читатель знает, что все эти толки казались неправдоподобными до той минуты, как французский император сказал австрийскому посланнику, во время торжественного представления поздравлений с новым годом от дипломатического корпуса, знаменитые слова: «я жалею, что наши отношения с Австриею так дурны». Официальная редакция, явившаяся через несколько дней во французских газетах, несколько смягчила фразу, заменив слова «так дурны» словами «не так хороши, как были прежде». Но и в смягченном виде фраза выражает близость войны. А действительно сказана она была в той более сильной форме, которую мы сообщили. Надобно прибавить, что слова эти были произнесены тоном гораздо более резким, нежели каким обыкновенно говорит французский император, и сопровождалась одушевленным жестом. Сцена, сделанная так неожиданно, в такой официальной обстановке, произвела на многочисленных зрителей впечатление, напомнившее о подобной сцене, сделанной Наполеоном I английскому посланнику перед разрывом Амьенского мира¹. Говорят, что военный министр, маршал Вальян, подошел к Гюбнеру и сказал: «Я полагаю, что после этого я не должен

подавать вам руки». Но только немногие люди во Франции приняли предвестие войны с такою готовностью, как этот воинственный член Института. Курсы на парижской бирже сильно упали. Желание поддержать их заставило полуофициальные французские газеты прибегать ко всевозможным истолкованиям для успокоения капиталистов; да и потом за каждым воинственным словом или распоряжением постоянно следовали смягчительные объяснения и миролюбивые статьи для той же самой цели, для успокоения биржи. В отношении к ней надобно полагать одну из причин колебаний, которым подвергалась, по крайней мере в глазах людей, не посвященных в дипломатические тайны, французская политика по вопросу о войне. Но биржа, при всем своем расположении к миру, мало доверяла миролюбивым чувствам. Курсы фондов, особенно австрийских, сардинских и французских, постоянно падали. Как велики потери, понесенные капиталистами уже от одних слухов о войне, можно судить по следующим цифрам. 31 декабря 3-проц. французские фонды на парижской бирже стояли на 72 франках 90 сантимах (курс действительной продажи за наличные деньги, без отсрочки); 31 января тот же курс был только 68 франков 35 сантимов; по количеству фондов, находящихся в руках публики, это понижение на 4 фр. 55 с. составляет потерю более, нежели в 400.000.000 фр. Другие кредитные ценности во Франции понизились в такой же пропорции. Еще больше поколебались сардинские и австрийские ценности. Около 10 января общую потерю на всех кредитных ценностях Западной Европы оценивали уже в 1½ миллиарда франков. Теперь она еще значительнее. Но что разорительно для людей, не посвященных в тайны, то самое служит в огромную пользу счастливым, узнающим о политических переменах раньше, чем они сделаются известны публике. Говорят, что слова французского императора доставили много миллионов тем избранным, которые накануне нового года знали, что скажет он барону Гюбнеру: сделав в огромном размере спекуляцию на понижение фондов, они приобрели громадные барыши. Понижением фондов отчасти объясняется отвращение к войне, столь сильно обнаружившееся в целом французском обществе. Число людей, имеющих фонды государственного долга, всегда было во Франции огромно; но со времени займов, произведенных в Крымскую войну и раздававшихся самыми маленькими частями, оно учетверилось. До 1848 года облигации государственного долга были в руках 292.000 человек; в начале 1857 года число лиц, владевших этими облигациями, простиралось уже до 1.028.284 человек; с того времени оно, конечно, еще увеличилось. Каждый из этих людей теряет часть своего капитала при понижении фондов; понятно, как должны они все бояться войны, один слух о которой отнял у них уже более 6 франков из каждых 100 франков. Нынешнее французское правительство само заботилось о увеличении числа вла-

дельцев ренты, интерес которых связан с высоким курсом фондов, и которые, следовательно, должны противиться всяким смутам и резким политическим переменам, понижающим курс. Привлекать небогатых людей к тому, чтобы каждую сотню франков, сбереженную от расходов, они променивали на фонды, — это называлось демократизацией ренты и должно было служить к упрочению нынешней системы. Забота о демократизации ренты удалась; но вот, когда понадобилось начинать войну, весь тот миллион семей, которых должны были фонды сделать защитниками нынешней системы, заговорил против войны, необходимой для нее. Вся промышленная и торговая часть французской нации также против войны, — это не требует объяснения. Кроме офицеров, находящих славу и денежную выгоду в войне, вся Франция в пользу мира, потому что трудно найти человека, интересы которого не пострадали бы от его нарушения. Общее мнение так неуступчиво в этом вопросе, что ни в одном департаменте, ни в одном городе до сих пор не удалось устроить хотя какую-нибудь манифестацию в пользу войны, несмотря на все усилия префектов. Этим настроением умов объясняется, почему от времени до времени необходимым считают допускать чрезвычайно сильные печатные протестации против войны: необходимо делать уступки общественному мнению. Одним из первых протестов была статья Прево-Парадоля в *Journal des Débats* 12 января.

«Органы общественного мнения (говорит газета, обыкновенно столь осторожная в словах) не должны терять из виду, что ответственность на них лежит не только за то, что они говорят, но и за то, что они умалчивают; не должны забывать, что именно за молчание, когда было бы полезно и можно прервать его, тяжелее всего подвергаться ответственности. Если бы мы могли думать хотя минуту, что нам будет запрещено выразить общее мнение о важном вопросе внешней политики, занимающем ныне всех, это принужденное молчание огорчило бы наш патриотизм, но не уронило бы нашей чести, и мы могли бы считать себя как бы избавленными от обязанности, невозможной для исполнения. Но мы не думаем, чтобы так было; мы убеждены, напротив, что никому не может быть неприятно, если мы, повинувшись нашей совести, скажем правду о вопросе, касающемся важнейших интересов Франции.

«Мы верим искренности слов правительства, что оно не ищет войны; но мы боимся, чтобы оно не было вовлечено в нее и без желания. Мы видим, что некоторые газеты (*Débats* намекает главным образом на *Presse* и *Constitutionnel*, из которых первая служит органом принципу Наполеону, а вторая пользуется непосредственными внушениями самого Наполеона III, сносящегося с ее редакцией иногда даже мимо своих министров) расточают правительству гибельные советы и стараются передать ему свои заблуждения. Ему представляют освобождение Италии делом легким; ему показывают за Альпами союзника, силу которого преувеличивают [; ему показывают за Вислою другого союзника, за содействие которого ручаются], и, к довершению обмана, изображают ему остальную Европу в таком виде, как будто бы она была расположена мирно смотреть, с оружием в руках, с тайным удовольствием и эгоистическим ужасом, на раздробление Австрийской империи.

«Мы уверены, что французское правительство, знающее состояние Европы по крайней мере не меньше, нежели знает его образованная часть публики, не может быть обманута этими грубыми уловками, и ручательством за то нам служат мирные уверения, недавно им данные».

Далее *Journal des Débats* доказывает, что Австрия — противник могущественный; что Пруссия и весь Германский союз взяли бы за оружие против Франции, если бы Австрии стала грозить серьезная опасность; что Англия также приняла бы сторону Австрии. [Потом автор статьи продолжает.

«Итак, остается Россия. Хвалятся неизбежностью ее содействия. Но мы с чрезвычайным недоверием принимаем слухи, будто бы Россия, столь тяжело испытанная последнею войною, столь сильно предавшаяся промышленным предприятиям, требующим мира и времени, и, что важнее всего, занятая внутреннею реформою чрезвычайно серьезною, может выказывать какую-нибудь охоту к пробуждению всеобщей войны. Мы скорее думали бы, что она станет сохранять нейтралитет, нежели воевать. Мы думаем, что Россия дорожит миром гораздо больше, нежели как уверяют некоторые наши газеты. И, надобно сказать правду, так же дорожит миром почти вся Европа, которая почла бы печальною необходимостью вмешаться в войну, если б это понадобилось»].

Единственным исключением (продолжает Прево-Парадоль) служит Пьемонт, имеющий свою частную выгоду в войне. Желая войны, он старается действовать на Францию и выказывать французское правительство в таком положении, будто бы оно уже запуталось до того, что не может отказаться от войны.

«Вот вся политика врагов мира. Она не глубока; но не в первый раз судьба народов была бы решена непредусмотрительностью и дерзостью, при помощи случая. Что до нас, мы верим миролюбивым объявлениям французского правительства; мы убеждены, что оно не станет слушать тех, которые хотят поставить его в безвыходное положение, принудить его делать выбор между его честью и национальным интересом; мы уверены, что оно не дозволит близоруким агитаторам подвергнуть опасностям судьбу Франции.

«Чем бы ни кончилось дело, мы исполняем нашу обязанность перед правительством и перед обществом, говоря правду».

Journal des Débats отличается от всех других независимых европейских газет совершенной дипломатичностью своего языка. Он всегда говорит: «мы уверены в вашем желании», вместо «мы требуем от вас»; «вы этого не сделаете», вместо «вы будете безрассудны, если так сделаете»; «вам дают дурные советы», вместо «у вас дурные мысли». Но дипломатический язык, при всей своей мягкости, вовсе не лишен ни силы, ни едкости. Надобно только взвешивать его выражения, и мы найдем под уверенностью — разрушение доверия, под любезностями — вражду, под деликатностями — сарказм. «*Constitutionnel* дает гибельные советы», — но разве не известно каждому парижанину, что *Constitutionnel* пишется под диктовку императора? Сопоставление мнений *Constitutionnel*'я с словами «мы верим уверениям в миролюбии правительства» придает этим последним словам значение вовсе недвусмысленное. «Французское правительство, знающее состояние Европы, конечно, не хуже, нежели знает образованная часть публики, разумеется, не думает» — каков смысл этой фразы, когда правительство уверяет, будто оно так думает?

Статья *Débats* была понята всеми; она говорила: «мы не верим формальным уверениям нашего правительства; оно ищет войны; оно хочет обмануть публику, обещая нейтралитет Германии и Англии [обещая деятельное участие России в войне;] но обман слишком груб. Правительство так запуталось, что жертвует национальными интересами для своей надобности».

Но дипломатический язык кажется слишком мягким для массы публики. Через несколько дней (20 января) явилась брошюра Феликса Жермена «Будет ли у нас война — *Aurons-nous la guerre?*» Автор ее — один из журналистов бонапартистской партии, у которой никогда не бывает остановки за пышною лестью [Наполеону III]. В брошюре много льстивых фраз, но посмотрите, в каких страницах вплетены [раболопные выражения].

«Будем ли мы иметь войну? Да, если бы я остался один выразителем полезных истин. Нет, мы не будем иметь войны, если Франция имеет мужество думать вслух, если громадное большинство нации возвысит свой голос, потому что глава государства глубоко заинтересован в том, чтобы выслушать его и последовать ему. Единственное затруднение в том, как довести до него истину; я признаюсь, что при нынешнем этикете это не очень легко. Но все-таки надобно попытаться; действовать необходимо; каждого из нас коснутся последствия преступного бездействия, опасной апатии.

«В своей речи при раздаче медалей на всемирной парижской выставке 15-го ноября 1855 года император заметил: «В нашу цивилизованную эпоху даже самые блестящие успехи оружия мимолетны. На деле одерживает последнюю победу непременно общественное мнение».

«Министры, сенаторы и депутаты, государственные советники и префекты, поставленные в центре страны для изучения ее потребностей, для узнавания ее чувств, ее желаний и ее опасений, соберите и сравните сведения, внимательно всмотритесь, кого радуют военные слухи и кого они удивляют, печалят и ужасают, — сравните и судите, если смеете, вы, ближайшие, лучшие друзья, вернейшие спутники Луи-Наполеона. В этом последнем испытании вы более не усомнитесь сказать ему все; вы изложите в своих донесениях все, что знаете; и, поднимаясь из круга в круг, истина, разоблаченная от своей придворной маски, достигнет до подножия трона. Тот, кто занимает трон, при свете ее факела увидит, что народ не повторяет своего прошедшего, и что второе издание первой империи — опасная химера, искушение, идущее из ада. Он увидит, что цивилизация и нравы Европы требуют мира [что даже железные дороги, сближая народы, учат их отбросить чувство взаимной ненависти, выгодное исключительно для правительств, но гибельное для них самих]. Узнав правду, император своим точным, ясным и всегда эмфатическим языком рассеет беспокойство и положит конец усиливающейся тревоге.

«Говорят, что Франция желает войны. Ошибка, роковая ошибка! Ступайте, куда хотите, от кого хотите почерпайте сведения. Проникните на чердак бедняка, на фабрики, в избы поселян, в мелочные лавки и обширные магазины, — везде, со всех сторон вы услышите один голос, голос в пользу мира. Со всех сторон получите вы уверение, что Франция не только не верит в своевременность войны, но, напротив, глубоко враждебна всем проектам заграничного вмешательства, что она вперед осуждает все, что было бы принято в этом смысле; и что, если бы правительство сделало шаг в этом направлении, оно с печалью потеряет веру в искренность бордосских слов: «империя — это мир»; Франция не станет верить, что император хочет мира. Жестоко обманутая, она с трепетом станет смотреть на будущее, на которое недавно смотрела с гордостью. Разочарованная, она обратится к тем, которые

говорили ей: «Вы желаете империи, — будет вам империя; империя — это война с Европой». В своем прискорбии она скажет: «это — правда». И сама империя, — какая судьба ждет ее среди этого всеобщего разочарования? Не обольщайте себя; сомнения тут нет: из 36.000.000 французов более 35 миллионов молятся о сохранении мира. Идея разыграть во второй раз подвиги первой империи представляется Франции анахронизмом и опрометчивостью безумия.

«Мысль вмешаться в итальянские дела, объявить войну Австрии, не оскорбляющей нас, очевидно, принадлежит к такому плану, исполнению которого пробудило бы всеобщую войну, и каждый восстает против этой мысли, потому что, за исключением немногих опасных фанатиков, никто не желает подвергаться почти верным потерям.

«Франция боится шансов войны, потому что наши национальные интересы не требуют ее. Нация отвергает ее, потому что справедливо видит в ней зародыш коалиции против нас.

«Пусть клеветники Наполеона III убеждают его презреть столь многими соображениями, требующими сохранения мира для его личной безопасности. Пусть они даже стараются принудить его к совершению ошибок, которые довели до гибели первую империю. Но что он слушает этих коварных внушений, что он волнует народ известиями о разрыве с государствами, не оскорбляющими нас, что он сам добровольно возбуждает недоверие, что он увеличивает затруднительность коммерческого положения, и без того слишком шаткого, что он сам подвергает сомнению достоверное, что осуществляет предсказания своих врагов, всегда уверявших, что он не сдержит своего бордосского обещания, что он согласен повторить басню *Bertrand et Raton*² в пользу Пьемонта, что он сам поднимает в Италии вопрос о национальностях, — вопрос, грозящий седьмою коалицией, во главе которой будет стоять Англия, — это превосходит всякое вероятие, спутывает все мысли. Ощупываешь себя и осматриваешься, как будто бы давит тебя кошмар, и думаешь, что все это — галлюцинация».

Этот язык очень силен. Однако же дали время разойтись целому изданию брошюры в нескольких десятках тысяч экземпляров; дали также разойтись почти всему второму изданию и запретили продажу брошюры уже тогда, когда некому было покупать ее, потому что все ее имели в руках. Автор не подвергся никаким неприятностям.

Мало того, что позволяют печатать подобные протесты в Париже, — даже провинциальные газеты, которые находятся обыкновенно еще под большим стеснением, нежели столичные, и те отваживаются говорить громко против войны. Вот отрывок из провинциальной газеты *La France Centrale*:

«Франция хочет мира. В этом не может быть и тени сомнения. Гибельное впечатление, произведенное словами императора австрийскому посланнику, объясняет положение дела. Эти слова, еще не заключавшие положительного объявления войны, уже стоили государственному богатству Франции более миллиарда франков. Мы не можем допустить мысли, что перспектива ужасных бедствий, представляющаяся нам, не возвратит в ножны полуобнаженную шпагу; потому что мы не хотим предполагать безумства, совершенного помещательства. Нарушить с непростительным легкомыслием существующие трактаты, вызвать европейскую коалицию, пробудить повсюду революцию, и все это решительно без всякого национального интереса, — это такая политика, следовать которой, по нашему мнению, французское правительство не откажется, особенно теперь, когда общественное мнение высказалось столь сильным и решительным голосом».

Какая судьба постигла дерзкую, ничтожную газету? Редактор и автор, вероятно, преданы суду, газета запрещена или по крайней мере получила выговор? Ничего не бывало, газета спокойно продолжает выходить, никто не предан суду и даже не получил выговора, и то же самое так же безнаказанно говорят десятки других провинциальных газет, с которыми, кажется, легче было бы справиться, нежели с парижскими, потому что крутые меры против этих неизвестных изданий наделали бы менее шума.

От чего такая безнаказанная дерзость? Число виновных слишком велико и притом их соучастники находятся между главными людьми правительства. Говорят, что большая часть министров против войны, говорят, что Валуевский, министр иностранных дел, несколько раз отказывался подписать одну из нот венскому двору; говорят, что не только большинство министров, но и некоторые из важнейших генералов сильно советуют императору французов не рисковать войною; в числе их называют маршала Пелиссье; говорят, что ближайшие друзья Наполеона, Персиньи и Морни, решительно противятся войне; говорят, что сама императрица французов, обыкновенно не вмешивающаяся в политические дела, упрасивала своего супруга оставить мысль о войне. Все это только слухи, и многие из них могут быть не совсем верны, зато другие едва ли не совершенно достоверны, например, о противоречии большинства министров войне и о решительных советах Персиньи в пользу мира. Во всяком случае, достоверно известно то, что общественное мнение во Франции очень сильно восстает против войны.

Неблагоприятно смотрят на нее и все державы Западной Европы, кроме Сардинии: некоторые из опасения, что война привела бы их к изменению нынешней политической системы, — таковы чувства Неаполя, папы и герцога Тосканского; другие потому, что они расположены к Австрии, — например, Бавария и некоторые из маленьких западно-немецких государств; третьи потому, что предполагают вместе с вторжением в Ломбардию открытие войны на Рейне для расширения французских границ на счет Германии, — это опасение руководит чувствами Пруссии и большей части второстепенных немецких государств. Наконец, все члены Германского союза чувствуют себя обязанными, по самым условиям союза, принять участие в войне при нападении на Австрию. Вообще, все державы Западной Европы чувствуют, что трудно им будет не быть вовлеченными в войну между двумя такими сильными соперницами, как Франция и Австрия, особенно когда у той и другой есть еще союзницы из второстепенных держав. Если бы театр войны мог не перейти за пределы Северной Италии, если бы все дело могло ограничиться борьбою за приобретение Ломбардии Виктором-Эммануилом, отдаленные государства Западной Европы и, вероятно, даже сама Пруссия могли бы оставаться хладнокровными зрительницами итальян-

ских битв. Но все видят, что война, начавшись из-за одной провинции, превратится в вопрос о жизни и смерти и для Австрии, и для нынешней французской системы. Громадный размер, который должна будет принять война при таком обороте, грозит страшными потерями для всех государств Западной Европы.

Из всех западных держав особенно важно мнение Англии. Издавна владычествует в английском народе сочувствие к независимости Италии, желание, чтобы Ломбардия и Венеция освободились от австрийского ига. Можно было рассчитывать, что это чувство заставит англичан одобрить намерения Сардинии и Франции. Некоторые из партии графа Кавура рассчитывали даже на помощь Англии. Орган принца Наполеона *Presse* также высказывала эту надежду. Люди более хладнокровные из желавших начать войну полагали по крайней мере, что Англия сохранит нейтралитет. Конечно, рассчитывали они, Англия не может радоваться вероятному расширению французских границ и, во всяком случае, расширению французского могущества; но как же свободный английский народ объявит себя против освобождения другого народа, как он скажет, что хочет поддерживать деспотизм австрийцев? Потому с нетерпением ждали отзыва английской журналистики о словах, сказанных императором французам австрийскому посланнику. Задача для английских газет была действительно затруднительная; дня два они колебались, не зная, как предугадать решение общественного мнения. Но оно скоро составилось, обнаружилось с чрезвычайной силой и совершенным единодушием, и английские газеты начали единогласно выражать, развивать и усиливать его. Кроме одной только *Morning Post*, состоящей в прямых отношениях к французскому правительству, все они, без различия партий, заговорили против войны, объявляя, что Англия не может остаться в нейтралитете. Это произвело сильное действие на французскую политику: разноречия в ее проявлениях становились все резче по мере того, как возрастало опасение иметь против себя Англию. До сих пор нельзя сказать, к войне или к миру приблизилась Европа в полтора месяца, прошедшие после знаменитой фразы нового года. Едва ли есть в Европе три человека, которые бы знали наверное хотя то, серьезны или нет приготовления к войне во Франции. Очень может быть, что, кроме императора французам, знает это граф Кавур, но больше нет участников в тайне. Сам Виктор-Эммануил напрасно похвалился бы, если бы сказал, что ему открыты все планы его союзника и его первого министра. А, может быть, даже и граф Кавур знает не все. Персиньи и Велевский имеют сведения разве немногим более положительные, нежели каждый из нас. О других дипломатах нечего и говорить: граф Момсбери получил уверения; но какое значение можно придавать этим уверениям, он не может решить. Самые знающие и проницательные

дипломаты могут достоверно сказать только то, что «по их предположению» император французов очень «желал бы» действительно начать войну. Это знает и каждый из нас. Но решился ли бы он начать войну, это известно ему да разве еще графу Кавуру.

Из каких же столкновений и причин возникает в некоторых государствах стремление к войне, столь противное условиям нынешней промышленной эпохи? Главнейшее место тут занимают отношения нынешнего французского правительства к общественному мнению. Мы говорили в прошедший раз, что тотчас же по окончании Крымской войны внимание французского общества обратилось на вопросы внутренней политики. Мы приводили из французских журналов отрывки, показывавшие, как смелы и настоятельны становились требования. После покушения Орсини, в начале прошлого года, были приняты чрезвычайные меры, отчасти для ограждения личной безопасности императора французов, а еще более для того, чтобы заставить молчать общественное мнение. Но этого усиленного направления нельзя было долго выдержать; а с отменением исключительных распоряжений во второй половине прошлого года, общественное мнение заговорило сильнее прежнего. Мы рассказывали, как ему были деланы уступки, возможные без отказа от основных принципов нынешней системы, и как все уступки оказывались недостаточными. Надобно было чем-нибудь отвлечь внимание общества от опасных вопросов, и вот отсюда — существенная необходимость войны как средства к развлечению. Надобно отдать справедливость искусству, с которым был выбран предмет войны. Италия пользуется общим сочувствием в Европе, особенно во Франции и Англии. Из всех бедствий, угнетающих эту страну, самой возмутительной несправедливостью представляется занятие австрийцами Ломбардо-Венецианских земель. Защищаемое дело имеет в свою пользу всех; враг, с которым надобно будет бороться, имеет всех против себя. Кроме Баварии, Неаполя и маленьких итальянских государств, нет правительства, сколько-нибудь расположенного к Австрии. Общественное мнение повсюду ненавидит ее. В войне с ней Франция должна была явиться только союзницею Сардинии; и если война поведет к завоеваниям, то надобно было предполагать, что увеличение Сардинии не возбудит ни в ком опасений или зависти; напротив, общественное мнение самым сильнейшим образом было расположено в пользу этого государства, таким блистательным путем развивавшего свои силы. Франция обещала совершенное бескорыстие, говорила, что все завоевания будут предоставлены Пьемонту. Правительства не должны были тревожиться; народы должны были приветствовать Францию, как освободительницу Италии. Была еще особенная выгода в такой политике. Покушение Орсини вытекало единственно из вражды за холодность императора французов к судьбе Италии. Орсини говорил,

что надобно императору французов сделаться защитником Италии, что только этим он может обезопасить свою жизнь.

Далее мы увидим, какое сильное влияние имели на мысли Наполеона III те соображения, которые нашел он в бумагах Орсини или узнал из его изустных объяснений. Теперь заметим только, что с самого января прошедшего года представлялась ему непрерывная опасность от покушений, подобных орсиниевскому заговору. Естественно было предполагать, что между итальянскими патриотами находится много людей, думающих подражать Орсини. Это соображение, основанное на характере и положении итальянских энтузиастов, подтверждалось рассказами о странных случаях, из которых два, относящиеся к последним месяцам, мы передадим подлинными словами парижского корреспондента газеты *Manchester Guardian*:

«Ручаюсь за достоверность двух следующих анекдотов. Недавно некто граф Л***, карбонарий, был избран своими товарищами повторить дело Орсини. Он отказался. Через пять дней он был найден у дверей своей квартиры убитым. В груди его был кинжал. Около того же времени молодой генуэзец*** получил подобное же назначение; также отказавшись исполнить это поручение, он возвратился домой и застрелился, оставив письмо к одному из своих ближайших друзей с объяснением причины своего самоубийства. Мне это рассказывал тот самый человек, к которому было адресовано письмо, — он теперь здесь в Париже; он заслуживает доверия».

Достоверность этих рассказов мы оставляем на ответственности корреспондента английской газеты; во всяком случае, довольно уже и того, что подобные рассказы ходят в Париже. Конечно, они хорошо известны полиции и самому императору французов, который действительно полагает, что его жизнь подвергается опасности от итальянских кинжалов. Отвратить такую опасность одно средство — явиться защитником итальянской свободы: тогда друзья и подражатели Орсини из врагов и убийц обратятся в преданнейших императору людей.

Оба эти соображения — необходимость войны для отвлечения французов от мысли о внутренних делах и необходимость защищать итальянскую национальность для избавления собственной жизни от покушений, чрезвычайно сильны. Но война непопулярна в самой Франции. Это не должно служить остановкою для решительного правителя: против очарования побед не устоит общественное мнение не только во Франции, которую особенно винят за эту слабость, но и ни в какой другой стране: даже у англичан и северо-американцев победа всегда имеет на своей стороне нацию; а в победе сомневаться едва ли можно. Что ж тут смотреть на общественное мнение? Оно будет изменено первой удачей и будет прославлять победоносную войну.

У Сардинии также есть побуждения к войне, вытекающие из личных расчетов. Савойский дом всегда стремился к увеличению своих владений. В 1848 году очень значительное влияние

на ход войны имело именно то обстоятельство, что Карл-Альберт имел в виду собственно эту цель, а не какую-нибудь другую, и действовал так, как требовали его личные интересы. В самом деле, странно было бы, чтобы король помогал учреждению республики на своих границах, притом республики более обширной, нежели его собственное королевство, и притом имея в числе своих провинций одну, самую богатую (Геную) с явным расположением к республиканской форме и с ненавистью к туринскому владычеству. Карл-Альберт не мог оказать ломбардцам пособия иначе как на том условии, чтобы они присоединились к сардинскому королевству. Сообразно с этим был рассчитан весь план его действий. Сын не мог отказаться от наследственной политики, имевшей такую выгодную цель. Теперь Виктор-Эммануил и граф Кавур желают овладеть всею Северной Италией, чтобы сделаться правителями первоклассной державы. Есть и другая причина. Постоянно готовясь к завоевательной войне, граф Кавур содержал армию слишком многочисленную для средств маленькой и небогатой Сардинии. По уплате издержек и контрибуции за войну 1848 года, в следующие годы государственный долг Сардинии вырос едва ли не вдвое против величины, к какой доведен был войною. В начале прошлого года он был выше 200 миллионов рублей серебром и составляла уже тяжесть, чрезвычайно обременительную для государства, доходы которого не выше 35 миллионов, а с каждым годом он должен был увеличиваться, если бы продлилось нынешнее положение дел. Поэтому для графа Кавура остается или начать войну, чтобы поскорее достичь цели, стремление к которой так обременительно для сардинских финансов, или отказаться от воинственной политики, перестать грозить Австрии, заменить вражду к ней отношениями мирными, хотя бы и холодными. Перестать грозить Австрии значило бы для нынешнего сардинского министерства потерять главное основание своего существования. Не опираясь на левую сторону, требующую войны, граф Кавур потерял бы большинство, должен был бы уступить власть правой стороне, желающей мира. Надобно полагать, что не только в парламенте, но и в уме самого короля граф Кавур лишился бы опоры, если бы перестал стремиться к войне. Известно, по какому обстоятельству утвердилась парламентская форма в Сардинии. Карл-Альберт был чрезвычайно не расположен к ней до войны с Австрией; но после поражения сардинской армии Радецким свободное политическое устройство осталось единственным средством поддерживать в сардинском народе расположение к правительству и бодрость для новой войны, о которой не переставали думать. Эта форма должна была также служить сильнейшею приманкою для других итальянских областей, чтобы они прониклись желанием присоединиться к Сардинии (Северная Италия), или признать ее гегемонию (средняя

и южная Италия), чтобы вся Италия ждала своей свободы от Сардинии. Для этой важной цели Карл-Альберт переломил свои чувства, свой характер и, чтобы сделаться со временем властителем могущественной, быть может, первоклассной державы, решился быть либеральным конституционным королем. Как человек с твердо-определенною целью, он выдерживал этот характер и ту же политику завещал сыну. Впрочем, мы вовсе не отрицаем того, что кроме расчета сильное влияние имеет на сардинскую политику и патриотизм. Сардинское правительство, вероятно, в самом деле хочет независимости Италии, по крайней мере от австрийцев, если не от французов; но хочет ее с тем условием, чтобы очищенные от иностранцев провинции послужили к увеличению Сардинии.

Итальянские патриоты, кроме маццинистов, легко принимают это условие из усердия к национальному делу. Какими соображениями руководятся эти люди и какими заключениями стараются они склонить в пользу сардинского завоевания и французского вмешательства общественное мнение других стран Западной Европы, не расположенных к нынешней войне, читатель увидит из двух писем «Итальянца», помещенных в Times'e. Мы приводим в конце этой статьи извлечение из красноречивых тирад неизвестного автора. Ненависть к австрийскому влиянию вообще берет верх над всеми другими чувствами у большинства образованных итальянцев, так что они забывают даже рассчитывать, какие внутренние учреждения получила бы Италия, освобожденная от австрийцев нынешнею Франциею. А если им говорят, что французская помощь будет куплена введением нынешних французских форм в устройстве отнятых у Австрии областей, они отвечают, что все-таки французская администрация лучше австрийской, а тем более папской и неаполитанской, а французские гражданские законы, независимые от формы правления, превосходны. Потому, заключают они, друзья свободы в Западной Европе все-таки должны желать изгнания австрийцев французами и особенно должна сочувствовать этому свободная Англия. Что отвечают англичане на такие соображения, читатель увидит из ответа Times'a на второе письмо «Итальянца». Извлечение из этой статьи также переведено у нас в конце настоящего обзора.

Нам остается только показать основания, которыми руководилось в итальянском вопросе общественное мнение в Англии. О побуждениях Австрии нечего говорить: они очевидны. Австрия играет в этом деле чисто-страдательную роль и хочет только сохранить нынешнее свое положение.

Англичане не думают, чтобы в случае победы над Австриею французские границы остались без перемены. Они полагают, что или Сардиния уступит непосредственно французам часть Савойи в благодарность за приобретение обширных областей на востоке

помощию Франции, или, если такой обмен окажется неудобным, то будет составлено из легатств³ и некоторых других частей Центральной Италии довольно большое владение для принца Наполеона, т. е. возникнет в Италии вместо австрийского владения французское. Во всяком случае, полагают они, Сардиния станет в совершенную зависимость от Франции. Как бы ни велики были приобретения Виктора-Эммануила, хотя бы он кроме Ломбардии и Венеции получил большую половину Центральной Италии, все-таки, полагают англичане, он обманется в своей надежде стать независимым государем могущественной державы. Напротив, он тогда будет едва ли не слабее, чем теперь. Австрия, конечно, не откажется от стремления возвратить свои итальянские провинции; государство Виктора-Эммануила само по себе не будет иметь сил для сопротивления Австрии, следовательно, станет в совершенную зависимость от Франции. Теперь Сардиния ведет дружбу с Францией добровольно, тогда будет существовать только по милости Франции, только ее поддержкою. Таким образом, англичане находят, что доброжелательство к Сардинии вовсе не ставит их в надобность одобрять войну, польза от которой будет для Сардинии обманчива. Напротив, они полагают, что именно из желания добра Сардинии должны удерживать ее от войны. Точно так же понимают они свои обязанности и относительно всех других итальянцев, а в особенности относительно ломбардцев и венецианцев. Желая национальной независимости Италии, они также желают ей и политической свободы, а французское влияние, по их мнению, было бы теперь для развития внутренних учреждений в Северной Италии еще неблагоприятнее, нежели для ее национальной независимости. Этим одним не ограничивается, по мнению англичан, для внутренних учреждений Италии невыгодность освобождения чрез нынешнюю войну; другая опасность северно-итальянским областям и самой Сардинии грозит от завоевания. Теперь ломбардцы и венецианцы могут желать присоединения к Сардинии, потому что не видят другого средства избавиться от австрийцев; но Ломбардия и Венеция имеют славную историю; они так высоко ценят себя, что для них в 1848 году была унизительна мысль сделаться провинциями государства, по всему бывшего далеко ниже их в прошлые времена. Только теперь это чувство заглушено горькою необходимостью, да и то далеко не во всех ломбардцах и венецианцах: подчиниться Сардинии для очень многих и ныне кажется обидно, а едва австрийцы будут изгнаны, старинное чувство гордости воскреснет с прежней силой, вновь приобретенными провинциями овладеет желание или отделиться от Сардинии, или взять над нею решительное первенство, стать самим метрополиею, а ее обратить в свою провинцию. Последствия такого порядка вещей ясны. Сардиния, по мнению англичан, должна будет удерживать в соединении с собою Ломбардию и Венецию

против их воли, т. е. насильственными средствами; а свободные учреждения падают при таких средствах, и потому, не говоря уже о влиянии Франции, даже сама Сардиния не могла бы предоставить очищенным от австрийцев областям действительной внутренней свободы. Сардиния, продолжают англичане, подверглась бы такой участи и по другой причине. Мы видели источник верного сохранения парламентских форм в Сардинии: они кажутся нужными, чтобы служить приманкою для Ломбардии и Венеции; они — только средство для достижения совершенно другой цели, для расширения границ. Когда эта цель будет достигнута, когда Сардиния преобразуется в королевство Северной Италии, цель будет достигнута, стало быть, и средство перестанет быть нужным. Тогда не будет побуждений оставлять и в собственной Сардинии парламентские формы в нынешней их силе. Прежние предания, которым следовал Карл-Альберт до 1848 года, снова возьмут верх, Кавур и ему подобные стеснительные люди будут отброшены в сторону, и возвратятся на сцену старинные министры Карла-Альберта и их продолжатели. Есть и другая причина ожидать этой перемены во внутренних учреждениях Сардинии после завоевания Ломбардо-Венецианских областей. Тогда Сардиния станет в полную зависимость от Франции, и покровительствующая держава будет склонять ее к принятию нынешних французских учреждений, чтобы самой избавиться от неприятного соседства с парламентскими формами. Само собою разумеется, что все эти соображения, справедливые или несправедливые, не представлялись бы уму англичан так сильно, если бы развитию подобного взгляда не содействовало опасение, что война доставит Франции решительное господство над политикою всего континента Западной Европы, и что тогда, располагая силами гораздо громаднейшими, нежели теперь, Наполеон III перестанет дорожить союзом с Англиею и даже может серьезнее прежнего думать об отмщении ей за своего дядю.

Мы изложили побуждения, которыми управлялась политика трех западных держав, имевших особенное участие в ходе итальянского вопроса. Теперь нам надобно сделать перечень фактов, которые возникли из этих основных обстоятельств. Само собою разумеется, что по дипломатическим удобствам в официальных переговорах часто выставлялись на первый план предлоги, служившие только благоприятными случаями для действий, вызываемых причинами более глубокими.

Так, например, поводом к разрыву Франции с Австриею с первого же раза был избран случай, не имевший ничего общего с коренным вопросом о Ломбардии и Венеции. Читатели знают эту историю. Сербы низвергли своего князя Александра Карагеоргиевича, пользовавшегося милостью Австрии, и призвали на престол снова Милоша, которого и Австрия, и Турция могли опасаться. Одаренный чрезвычайным талантом возбуждать

к войне и организовать народные массы, Милош мог казаться вреден австрийцам, потому что при первом удобном случае сумеет действовать на турецких и австрийских сербов. Еще не зная хорошенько, в какой мере сильна скупщина⁴, призывавшая Милоша, австрийцы и турки вздумали было искать предлога, чтобы разогнать ее, занять Сербское княжество и помешать возвращению Милоша. Австрийский генерал Коронини получил предписание идти в Сербию, если турки потребуют его помощи. Это было бы нарушением парижского трактата, по которому ни одна держава не должна вмешиваться в турецкие дела без согласия всех других держав, подписавших трактат. Когда императору французов представилась надобность объяснить причины своего недовольствия на Австрию, он указал этот факт. Но Австрия дала объяснение такого рода, что ее войска должны были вступить в Сербию только по требованию турецкого начальства; а турецкое начальство не могло потребовать их помощи, не получив на то разрешения из Константинополя; а Высокая Порта, конечно, никогда не хотела требовать помощи австрийских войск, не объявив об этом предварительно европейским посланникам в Константинополе и не получив их одобрения. Таким образом, Австрия говорила, что никогда не хотела нарушать парижского трактата односторонним вмешательством в турецкие дела без согласия других держав, подписавших парижский трактат. Франция продолжала утверждать, что приказание, данное Коронини, все-таки не согласно с трактатом; но между тем сербские дела разъяснились. Австрийцы и турки увидели, что сербы единоклюны и не дешево поддадутся чужому вмешательству. Неудовольствие, возбужденное избранием Милоша, надобно было заглушить в себе и отложить мысль о вооруженных действиях против Сербии. Благодаря этой невозможности, Австрия отвечала императору французов, что каково бы ни было приказание, данное генералу Коронини, это приказание не имеет никаких шансов быть исполненным на деле, остается без всякого действия и, следовательно, не заслуживает никакого внимания.

Первый предлог к разрыву уничтожился. Тогда выставлено было на первый план другое дело. Наполеон III давно говорил, что содержание французского корпуса в Риме неприятно для него, и давно требовал у папы реформ, которые, примирив народ с папским правительством, позволили бы ему остаться без иноземной поддержки. Австрия укрепляла папу в сопротивлении этим советам. Кроме того, австрийские войска занимали северную часть Папской области и французский отряд не мог выйти из Рима до их удаления, иначе австрийцы оставались бы безграничными господами всей Италии. Теперь Франция стала громко жаловаться на такой порядок вещей, и переговоры до сих пор идут главным образом о состоянии Центральной Италии, о необходимости, по мнению Франции, австрийцам вывести свои вой-

ска из областей, не им принадлежащих, чтобы и Франция могла вывести свой отряд из Рима. В каком положении находится этот вопрос, лучше всего читатели могут видеть из прений в английском парламенте об адресе в ответ на тронную речь. Мы представляем в конце нашей статьи выписку из речей Пальмерстона, д'Израэли и Росселя по этому предмету. С соблюдением дипломатической осторожности, все трое говорят о делах Центральной Италии, т. е. Папской области, будто о существенном пункте дела. Все трое согласны, что занятие Папской области иностранными войсками — факт ненормальный, что желание императора французов вывести свой отряд из Рима заслуживает полного одобрения, но что, действительно, французам нельзя выйти из Рима, пока австрийцы не очистят всех итальянских городов, которые заняли за пределами своих Ломбардо-Венецианских областей. Есть разногласие в том, как помочь этому делу. Д'Израэли говорит, что вывести теперь иностранные войска из Папской области нельзя, потому что вспыхнуло бы восстание против папского правительства. На этом, без всякого сомнения, стоит Австрия. Но, прибавляет д'Израэли, надобно вытребовать у папы согласие на такие реформы, которые бы примирили народ с его правительством. Это, без сомнения, согласно с словами Франции. Лорд Россель, напротив того, полагает, что лучше всего было бы немедленно вывести войска, предоставить папскому правительству управляться с своими делами, как само знает, и не жалеть о нем, если оно будет низвергнуто. Этого мнения, сходного с желаниями либеральной партии в целой Европе, вероятно, ни одна держава не предъявляет при переговорах. Мы видим, как легко было бы Франции и Австрии согласиться в вопросе о Центральной Италии: английское министерство, признавая справедливость и французского, и австрийского мнения, очень удобно соглашает их одно с другим. Если бы мы не знали, что вопрос о Центральной Италии служит только предлогом, за которым скрывается вопрос о Ломбардии и Венеции, а за вопросом о Ломбардии и Венеции находится надобность для нынешней французской системы заглушить войною заботу о внутренних делах, — если бы мы не знали всего этого, мы не могли бы понять, как можно выводить правдоподобность войны из разногласия по такому неважному делу, как вопрос о Папской области.

Но, несмотря на всю осторожность английских ораторов, из которых один — министр теперь, а двое других рассчитывают скоро сделаться министрами, и потому все должны соблюдать дипломатические приемы, — несмотря на всю серьезность, с которой говорят они о Папской области, будто о настоящем предмете спора, все-таки проглядывает в их речах сущность дела. Все они согласны, что следствием войны было бы отнятие итальянских владений у Австрии. Даже и в мирном разрешении спора, которое предлагает д'Израэли, видна неизбежность кос-

нуться ломбардо-венецианского дела. В предложениях д'Израэли о конгрессе⁵ есть черты, показывающие, что дипломатам пришлось бы рассуждать на нем и о Северной Италии.

В 20 числах января (нового стиля) разнеслись в Париже слухи, что конгресс, предлагаемый Англиею, имеет в самом деле ближайшее отношение к Ломбардо-Венецианским землям. В мае 1848 года, когда потеря итальянских областей казалась неизбежною для Австрии, австрийский поверенный в делах при лондонском дворе, Гиммельбауэр, предлагал кончить войну тем, чтобы итальянские провинции получили особенного вице-короля и совершенно независимое управление с конституционною формою и остались соединены с Австриею только номинальным единством в лице императора. Говорят, что английское министерство предложило составить теперь конгресс для устройства итальянских дел на таких основаниях, что в Париже это предложение было принято и что теперь остается дело только за согласием Австрии. Не знаем, действительно ли подобное предложение было сделано из Лондона, но должны сказать, что это кажется нам не совсем правдоподобным. Австрия наверное должна была отвергнуть его: может ли она без войны сделать такие уступки, которые почти равняются отказу от итальянских областей, то есть самому худшему результату несчастливой войны? Лондонский кабинет, желающий примирения, поступил бы совершенно неосновательно, предлагая к примирению такие способы, которые не могут не быть отвергнуты одною из двух спорящих сторон. Скорее можно думать, что в Лондоне была мысль о конгрессе только относительно очищения Папской области от австрийских и французских войск (этот смысл дается словами д'Израэли), а мысль о переговорах на основаниях 1848 года возникла уже в Париже. Если бы удалось склонить Англию и другие державы согласиться на подобный конгресс, а Австрия отвергла бы его, то она выставилась бы менее уступчивою, нежели Франция, которая могла бы тогда говорить, что она все сделала для сохранения мира, что вся Европа признавала умеренность ее условий, но что Австрия не хотела мира. Такой оборот был бы очень выгоден для Франции, и потому-то, если мысль о конгрессе на основании предложений 1848 года действительно была, то надобно полагать, что она вышла не из Лондона, а из Парижа. Но все это только слухи и догадки: оставим их и припомним факты, которыми обозначались различные колебания итальянского вопроса.

После сильных слов, сказанных императором французам австрийскому посланнику, и еще более сильного ответа на них в английских и немецких газетах первым воинственным фактом была речь сардинского короля при открытии туринского парламента (10 января). Читателям известны решительные слова Виктора-Эммануила:

«Господа сенаторы, господа депутаты! Горизонт, среди которого встает новый год, не совершенно ясен; несмотря на то, вы с обыкновенной вашей ревностью займетесь парламентскими трудами. Ободряемые опытом прошедшего, мы готовы с решимостью встретить шансы будущего. Это будущее должно быть счастливо, потому что наша политика основана на справедливости, на любви к свободе и отечеству. Наша страна, небольшая по объему, приобрела уже уважение в советах Европы, потому что она велика по идее, ею представляемой, и симпатиям, ею внушаемым. Это положение не изъято от опасности, потому что, уважая трактаты, мы не остаемся бесчувственными к воплю страдания, доходящему до нас из столь многих частей Италии. Сильные нашим согласием, уповая на нашу справедливость, мы ждем рассудительно и решительно судеб от божественного провидения».

Тут ясно говорилось, что война близка, что Сардиния хочет стать в ней представительницею Италии, что Италия сочувствует ей, просит ее помощи и будет иметь ее защиту. Король прочел речь свою твердым, сильным голосом. Каждая из переведенных нами фраз перерывалась восторженными криками и аплодисментами сенаторов, депутатов и зрителей, толпившихся на трибунах.

Адрес палаты депутатов в ответ на эту речь соответствовал восторгу, с которым она была выслушана. Палата поручила составление адреса одному из ломбардских эмигрантов, Корренти, чтобы ломбардцы и венецианцы видели в этом выборе залог симпатии к ним.

«Вы правы, государь, с надеждою смотря на шансы будущего для вашего народа (говорил адрес). Ваш голос, государь, влиятельный и уважаемый во всех цивилизованных странах, великодушно выражающий сострадание к бедствиям Италии, конечно, оживит воспоминания о торжественных обещаниях, доселе оставшихся не исполненными, и поддержит в народах твердую веру в непреодолимую силу цивилизации и в могущество общественного мнения. Если эти отрадныя мысли и это воззвание к общественному разуму навлекли бы опасности или угрозы на вашу священную главу, нация, видящая в вас могущественного заступника за дело свободы в европейских кабинетах, знающая, что в вас и чрез вас найдена наконец столько веков бывшая утраченной тайна итальянского единодушия, — нация, говорим мы, вся до последнего человека окружит вас и покажет, что она вновь научилась старинному искусству соединять повиновение солдата с свободою гражданина».

Этот совершенно воинственный адрес был встречен необыкновенно громкими аплодисментами, и, говорят, даже министерская партия дивилась единодушному энтузиазму, выказанному палатой.

Но единодушный энтузиазм уже не проявлялся при двух следующих важных событиях: бракосочетании принцессы Клотильды и утверждении проекта о займе на войну. Принц Наполеон, приехавший в Турин на другой день после принятия адреса палатою депутатов, был встречен сардинцами, по рассказам одних газет, совершенно холодно, по рассказам других — если не холодно, то без всякого восторга. Он слишком стар для своей молоденькой невесты (принцу Наполеону 36 лет, а принцессе Клотильде только 5 марта нынешнего года исполнится 16). Говорят, она долго не соглашалась и, как ребенок, была убеж-

дена удивительными браслетами и тому подобными уборами, присланными ей от императрицы французской, а еще больше настояниями отца. Сардинцы чрезвычайно гордятся древностью своей династии, которая едва ли не старше всех других в Европе, и находят, что для внука простых корсиканцев слишком большая честь получить руку их принцессы. Притом носились слухи, что часть предполагаемых завоеваний будет отдана принцу Наполеону, вместо того чтобы достаться Сардинии. Все это — слухи, но достоверно то, что в высших кругах сардинского общества брак был сильно осуждаем, а жених видел холодность.

Между тем приготовления к войне производятся в Сардинии очень деятельно, и уже понадобилось сделать заем в 12½ миллионов руб. сер. на покрытие издержек. Предложение о займе было, конечно, принято палатою депутатов, но правая сторона, постоянно бывшая против наступательной войны, уже отважилась снова возвысить голос. Одни из ее членов сказали, что одобряют заем, если война будет чисто оборонительная, если сама Австрия начнет ее; но не хотят нападения на Австрию со стороны самой Сардинии. Другие пошли еще далее: они совершенно отвергли надобность займа.

«Я всегда был противником политики министерства (сказал граф Ревель), той политики, которая привела нас к нынешнему положению. Не скажу, что мы не должны опасаться нападения со стороны Австрии. Меня нельзя назвать другом Австрии, потому что есть доказательства моим чувствам. Я был министром одиннадцать лет тому назад, когда мы объявили Австрии войну, столь счастливо начатую, столь несчастно конченную. Я признаю, что меры, принимаемые Австриею, могут внушать опасения, потому необходимо нам вооружаться. Мне прискорбно разойтись на этот раз с моими товарищами (другими депутатами правой стороны, решившимися вотировать против займа); но я не могу отказать правительству в средствах защиты. Если оно употребит их во зло, не моя будет вина; ответственность упадет на него».

«Преданность к отечеству одинакова во всех нас (сказал маркиз Коста-де-Борега, один из савойских депутатов), — я говорю это особенно от имени моих товарищей, депутатов Савойи, бывшей колыбелью нашей монархии; но я не верю в нападение на нас. Австрия слишком осторожна, слишком хитра, она никогда не выставит себя начинательницей войны. Притом и положение Италии не таково, чтобы война была необходимостью. Общественное мнение говорит против войны. Англия употребляет все свое влияние на сохранение мира. А между тем Пьемонт готовится к войне. Граф Кавур хочет войны, и он не такой человек, чтобы отступить. Но наша судьба, судьба савойской династии, служат ставкою в этой игре. Он берет на себя тяжелую ответственность. Я не хочу подвергаться ей вместе с ним. Я боролся против той опрометчивой политики, в жертву которой принесли счастье нашей земли. Я не откажусь от своих убеждений, не сделаю такой слабости («Браво!» с правой стороны). Это я говорю как депутат всего Сардинского королевства; как депутат Савойи я скажу еще больше. Говорят, что война должна отделать Савойю от остальной Сардинии (маркиз Борега намекает на предположение, что Савойя будет отдана Франции в благодарность за приобретение Ломбардо-Венецианских областей для Сардинии). Если это предположение, естественное следствие ваших итальянских комбинаций, осуществится, то дай бог, господа, чтобы вы не пожалели о том, что расстались с нами. Но мы всегда сохраним нашу симпатию к савойской династии (аплодисменты раздаются на многих скамьях)».

«Я встал с постели, чтобы бросить черный шар в урну (сказал де-Вири). Я присоединяюсь к моему почтенному другу, Коста-де-Борегару. Вы налагаете на Савойю...» (Между депутатами начинается сильнейшее смятение, так что оратор не может закончить своей фразы. Заседание приостановлено, и де-Вири сходит с кафедр).

«В начале заседания, господа, президент убеждал нас быть единодушными (сказал граф Соларо-де-ла-Маргарита, предводитель правой стороны). Мы с восторгом принимаем такие слова всегда, когда дело идет о чести короны, о независимости страны. Никто не может сомневаться в нашей преданности нашей славной династии. Но надобно знать, какая опасность грозит нам. Положение Сардинии печально: торговля в упадке, промышленность также, земледелие в дурном положении, налоги тяжелы. Нам всем известна ревность, деятельность военного министра, но может ли он думать, что численность нашей армии соразмерна с громадностью войск, против которых мы пошли бы? А мы сами можем ли подвергнуться нападению? Австрия заключила заем, наполнила Ломбардские провинции солдатами, придвинула войска к нашим границам. Но думает ли Австрия напасть на нас? — вот вопрос. Не нужно иметь особенной политической проницательности, чтобы видеть противное. Венский кабинет, всегда осмотнительный и осторожный, никак не поставит себя в наступательное положение; он не хочет привлечь на себя французские войска. Слова лорда Дерби, мистера д'Израэли подтверждают мое мнение. (Английские министры сказали, что Австрия дала им обещание не начинать войны и что они уверены в искренности этого обещания; о подобном обещании Наполеона III лорд Дерби сказал только, что Англия хочет верить ему.) Будем говорить, господа, откровенно. Если бы мы думали о развитии наших учреждений, об улучшении наших финансовых дел, если бы мы не старались разжигать страстей в других итальянских областях, мы не были бы в таком положении, как теперь. Во мнении целого света мы будем зачинщиками войны. Народ, в огромном своем большинстве, желает мира с его благотворными следствиями и особенно с уменьшением налогов. Благоразумие велит нам не бросать перчатку на вызов тем, которые давно приготовились поднять ее. Я говорю не в духе партии, я говорю в интересах нашей земли — всей Италии. Подав голос в пользу займа, я изменил бы своей совести. Я отвергаю заем в нынешних обстоятельствах и прошу, чтобы пощадили нашу страну от новых бедствий и чтобы не подвергали опасности нашу независимость».

Граф де-ла-Маргарита и граф Ревель по общим своим убеждениям представляются нам достойными гораздо меньшего сочувствия, нежели граф Кавур. Но должно признаться, что в настоящем случае они смотрят на дело или, по крайней мере, говорят о нем гораздо прямее знаменитого министра. В некоторой части их речей есть даже полная справедливость. Сардинский народ действительно обременен налогами. Мы не решимся сказать, что они говорят неправду, когда утверждают, что большинство сардинского населения, особенно земледельческий класс, не разделяет воинственного энтузиазма. Корреспонденты английских газет уверяют, что даже в Ломбардии земледельцы против войны.

Этим кончаются нынешние известия о Сардинии. Она уже двинула свои войска к границам; австрийские войска также подошли, и каждый день может произойти схватка, после которой военные события уже пойдут неудержимой чередой. Схватка может произойти случайно, без приказа или даже против

желания начальников армий. Но приказание ожидать на-днях, повидимому, нельзя: Австрия никак не захочет нападать первая, а сардинское правительство не отважится начинать войну прежде, нежели будет знать на верное, что по первому же выстрелу пойдут на австрийцев французские армии. Этого обещания, повидимому, еще не дано формальным образом; напротив, Англия получила от императора французов уверение, что он не подаст помощи сардинцам, если они первые сделают нападение, а от французской помощи зависят сардинские решения. Посмотрим же, что делалось после нового года во Франции.

Неблагоприятное мнение Германии и особенно Англии оставило на несколько дней новые проявления воинственности. В правительственных газетах статьи, провозглашавшие скорое начало похода, перемешивались с другими, говорившими о вероятности мирной развязки. «Монитёр» сделал несколько замечаний также мирного характера. Слова, сказанные на новый год, малопомалу были разъяснены так, что в Вене почли возможным признать объяснение удовлетворительным. Австрийский посланник на придворных балах несколько раз бывал предметом особенного внимания и любезности со стороны императора. Все эти признаки миролюбия продолжают до сих пор, занимая биржу и публику три-четыре, даже пять дней в неделю. Но зато постоянно растут и растут слухи о сильных приготовлениях к войне. Раз в неделю, два раза в неделю бывает какое-нибудь приказание прекратить или отсрочить какую-нибудь военную работу; но это касается только частных дел, а вообще приготовления к войне усиливались с каждым днем, по крайней мере до начала февраля, когда стали говорить об ослаблении прежних надежд на союз с одною из могущественнейших держав Европы и когда прения об адресе в английском парламенте показали, что все партии английского народа одинаково не благоприятствуют намерению ослабить Австрию в видимую пользу Сардинии, на самом же деле в пользу Франции. Вследствие двух этих фактов вдруг усилились слухи о возможности мирной развязки. До какой степени они прочны, в настоящую минуту нельзя еще решить. Итак, пока мы только перечислим главные факты развития французо-сардинской воинственности, заканчивая их перечень последними, более благоприятными миру известиями, за важность которых нельзя ручаться.

На другой день после первого свидания принца Наполеона с своею невестою, когда бракосочетание было решено, граф Кавур и генерал Ньэль, любимец Наполеона III, сопровождавший принца Наполеона, заключили какое-то условие о теснейшем сближении Франции с Сардинией. Разнеслись слухи, что это наступательный и оборонительный союз, формально подписанный. «Монитёр» опроверг это известие, но с такою дипломатическою осторожностью, что нельзя было решить, подвергается ли

отрицанию самое существование союза или только подписание формального договора известной дипломатической формы, или даже только толкование, ставившее принятие такого договора императором французов за неперменное и формальное условие согласия сардинского короля на бракосочетание дочери. Общее мнение было то, что отрицание надобно относить только к последнему обстоятельству; что формальный договор, по всей вероятности, подписан, а во всяком случае условие о неразрывном союзе заключено в той или другой форме, на словах или на бумаге, но в сущности с одинаковым значением. Можно полагать даже, что в сущности все равно, хотя бы даже и на словах не было выражено вступления двух держав в неразрывный союз, — самый факт бракосочетания, без всяких переговоров, специально определяющих значение брачного союза между двумя династиями, уже должен считаться для той и другой династии достаточным обеспечением неразрывного союза.

Почти одновременно с днем бракосочетания *Constitutionnel*, личный орган императора французов, воспользовался одною из бесчисленных статей английской журналистики против войны, чтобы сделать грозное исчисление громадных армий, которые Франция может двинуть за границу. *Daily News* старалась доказать, что французская армия не так сильна, как думают многие; что, во всяком случае, главная масса ее должна остаться внутри Франции для наблюдения за Парижем и Лионом; что, кроме того, большой корпус необходим в Алжире, и за этими вычетами едва ли останется для заграничного похода более 130.000 человек. *Constitutionnel*, напротив, объявил, что 1 апреля Франция имела бы свободных войск для заграничного похода около 400.000, а к 1 июня, с призывом нового контингента, 497.000 человек. Статья, написанная сдержанным официальным языком, произвела чрезвычайно сильное впечатление именно потому, что очевидно было ее высокое происхождение. Через несколько часов было всем известно, что она прислана в типографию *Constitutionnel* прямо из Тюильрийского дворца и была до такой степени личным действием императора, что даже не была показана министру иностранных дел перед отправлением к напечатанию.

Зато одновременно с этим грозным манифестом, а прежде того — одновременно с приездом принца Наполеона в Турин и с слухами о наступательном и оборонительном союзе, были сделаны две демонстрации о миролюбивом расположении императора французов. Первая демонстрация, одновременная с приездом принца Наполеона в Турин, состояла в том, что явилась брошюра «*Est-ce la paix? Est-ce la guerre?*» *, написанная дипломатическим языком и приписывавшаяся графу Персиньи. Она

* «Мир или война?» — *Ред.*

склонялась в пользу мирной развязки. Почти в тот же день явилась брошюра «*Augons-pous la guerre*» *, о которой мы говорили: допущение этого резкого протеста против войны усиливало догадки, внушаемые брошюрою, в которой предполагали участие Персиньи. А когда принц Наполеон с своею супругою возвратился в Париж, на всем пути от станции железной дороги до дворца не было поставлено ни одного из многих тысяч полицейских клакеров, которые при всех подобных случаях обязаны выражать народный энтузиазм. Народ, столпившийся по всей длинной дороге, стоял в совершенном молчании, и не было произнесено ни одного крика в приветствие новобрачным, олицетворявшим союз Франции и Сардинии для войны. Холодный прием со стороны французского народа был натурален; но удивлялись тому, что полиция не озаботилась, по обыкновению, выставить собственных своих энтузиастов. Официальным объяснением тому было: «правительство не хотело манифестации в пользу войны и велело полиции молчать». Впрочем, есть и другое объяснение: боялись, что на крики полицейских клакеров «да здравствует Сардиния!» народ будет отвечать криками «да здравствует мир!»

Но вот приближалось и 7 февраля, — день, назначенный для открытия сессии законодательных властей. С нетерпением ожидали речи, которую должен сказать при этом случае император французов. За три дня до речи явилась брошюра «*Napoleon III et Italie*» **, со всеми признаками официального происхождения. Она была писана или, лучше сказать, только редижирована сано-вительшим из придворных писателей, виконтом ла-Героньером, который некогда был легитимистом, потом республиканцем, а теперь служит в звании бонапартиста. Говорили, что сам император доставил ла-Героньеру материалы для этого памфлета; что потом составленная из них записка была читана и сильно переделана императором, который собственноручно вставил в нее несколько длинных мест, особенно выражавших необыкновенную любовь императора французов к Англии. Сам «Монитёр» принял на себя труд подтвердить эти рассказы. Брошюра, действительно, должна была явиться выражением личного взгляда императора французов, предисловием и комментарием к его речи. Ее раскупили нарасхват, прочли с жадностью, искали смысла в каждом слове — и не могли решить, какой же смысл должна была иметь целая брошюра? В самом деле, очень трудно было понять ее. Через день, через два загадка объяснилась. Еще во время допросов, сделанных графу Орсини, Наполеон III был изумлен силою и ясностью политических соображений этого несчастного человека. «Я хотел вас убить потому, что ваше бездействие мешает освобождению Италии, — писал Орсини, — теперь прибавлю, что

* «Будем ли мы воевать?» — Ред.

** «Наполеон III и Италия». — Ред.

ваша политика противна вашим собственным выгодам. Вы упускаете из виду вот такие-то и такие-то факты. Обратите на них справедливое внимание, и вы увидите, что личная ваша польза требует освобождения Италии». В бумагах Орсини нашлись подробные исторические очерки и мемуары о нынешнем состоянии разных государств и об их дипломатических отношениях, написанные в подтверждение той общей мысли, что Франция должна освободить Италию и что если бы Наполеон III сознавал потребности своего положения, он исполнил бы эту легкую обязанность. Еще тогда же, во время процесса Орсини, Наполеон III внимательно изучал эти записки. В конце прошлого года он снова потребовал к себе бумаги, оставшиеся после Орсини, и, когда вышла брошюра, служившая предшественницею тронной речи, люди, знакомые с содержанием орсиниевских бумаг, увидели, что брошюра составлена, главным образом, из них. Но в разных местах, особенно в конце, были прибавлены мысли, вынуждаемые дипломатическими отношениями, сильною оппозициею французского общества и даже большинства государственных сановников против войны. Сверх того, все факты и мысли, заимствованные из бумаг Орсини, были обставлены фразами в духе правительственной французской журналистики. Таким образом, брошюра имела двойственный характер. Из всех фактов и соображений, изложенных в ней с замечательною силою мысли, следовало заключение: «Франция обязана начать войну для освобождения Италии». Но вместо этого заключения было дано совершенно другое: «император французов не хочет войны и постарается избежать ее». По этой двойственности ее смысла, кому что угодно, тот именно то и мог видеть в ней: один — войну, другой — мир.

Точно такова же была и речь, сказанная императором французов 7 февраля, при открытии заседаний законодательного корпуса и сената. Германия истолковала ее в смысле мира; Сардиния и вся Италия — в смысле войны. Англия нашла в ней поровну и того, и другого. Но каков бы ни был действительный смысл речи, или хотя бы она не имела никакого определительного значения сама по себе, прием, ей сделанный, был решительною манифестациею депутатов и публики в пользу мира. Император французов был встречен без того энтузиазма, с которым приветствовали его в прежние годы депутаты, избираемые по назначению правительства из преданнейших ему людей. Когда Наполеон III вошел в залу, один из придворных сановников закричал «да здравствует император!», за ним повторили восклицание другие присутствующие, но далеко не все; многие депутаты не раскрывали губ. Второй залп восклицаний был еще слабее; в третий раз слышались только немногие голоса, оставшиеся без поддержки. Во время речи на лице большей части депутатов выражение было холодное и принужденное. Когда, в начале речи,

император говорил, что беспокойство овладело Франциею без положительных оснований для тревоги, на некоторых лицах явилась даже улыбка. В нескольких местах, для приличия, речь прерывалась аплодисментами; но особенно сильны были они только при словах, что император останется верен своим бордосским словам «империя — это мир» и не хочет возобновлять эпоху завоеваний. При предварительном обсуждении речи почти все министры были решительно против войны. Даже носился слух, что они хотели подать в отставку, когда во время церемонии услышали из уст Наполеона III речь без тех более решительных ручательств за мир, которые были внесены в проект речи по их настоянию. Неудовольствие министров колебаниями французской политики между миром и войною так сильно, что носятся слухи, будто большинство министров хочет подать в отставку. Разумеется, это вздор, потому что не в духе нынешнего порядка вещей и людей, служащих ему; но все-таки подобные толки свидетельствуют о сильной оппозиции самого кабинета против воинственной политики. Из приема, сделанного речи императора, обнаружилось, в каком тоне президенту законодательного корпуса, графу Морми, надобно составить речь, которую он должен был произнести на другой день, 8 февраля н. ст., при открытии первого заседания законодателей. Депутаты совершенно оправдали слух о том, что возвратились из провинций решительными приверженцами мира. Некоторые из них уже успели объявить в парижских салонах, что «нас в палате есть 150 и 200 человек таких, которые решились ни под каким видом не допускать войны». Одному из таких геройствующих граждан собеседник англичанин заметил: «войны вы, разумеется, никак не допустите, но беспрекословно дадите все суммы, каких потребует ее ведение». Сконфузившийся гражданин пожал плечами и сказал: «вы правы». В самом деле, депутаты приготавливались сильно воспротивиться правительству в вопросе о войне; но, вероятно, их оппозиция ограничится салонными разговорами, а в зале заседаний будут они послушными детьми. Однако же все-таки не годится раздражать их, все-таки полезно угодить на словах их чувствам, выразившимся очень недвусмысленно. Речь Морми вся состоит из положительных уверений в непоколебимости мира. Президент законодательного корпуса просит депутатов «верить словам императора, что мир не будет нарушен»; объясняет им, что «множество других соображений должны также вести к рассеянию беспокойств»; уверяет, что «религия, философия, цивилизация, кредит, труд сделали мир первым благом новых обществ»; объясняет, что «ныне уже не те времена, когда можно было легкомысленно проливать кровь народов», что «ныне «большая часть затруднений устраняется дипломатией или разрешается мирным посредничеством». Он даже указывает им на факт совершенно «новый», именно на то, что «быстрые средства к сообще-

нию между народами и гласность [(вероятно, та самая, которая у нас называется благотельною)] создали новую европейскую державу» (мы переводим без всяких изменений: une puissance européenne nouvelle), которой будто бы «все правительства принуждены подчиняться»; и что эта «новая держава — общественное мнение». Такая миролюбивая и просвещенная речь возбуждала восторг гораздо более сильный, нежели какого ожидал и какого, быть может, даже не желал красноречивый автор ее. Между депутатами слышались толки: «Вот такую речь нам надобно было бы услышать от императора».

Брошюра «Napoleon III et Italie» была выражением личных мнений императора французов, — это засвидетельствовал сам «Монитор»; но протестация со стороны «новой державы», которую заметил Морни, не остановилась и перед этим фактом: явилась брошюра Эмиля Жиардена, написанная в опровержение брошюры ла-Героньера. Правительственная брошюра предполагает достигнуть дипломатическим путем учреждения независимой администрации в Ломбардо-Венецианских областях, мечтает о конфедерации итальянских государств под председательством папы. Жиарден доказывает несостоятельность этой утопии, служившей прикрытием для видимого отступления с военного пути. В правительственной брошюре говорилось, что война самое тяжелое средство для освобождения Италии, и потому должно идти к этой цели мирными переговорами. Жиарден говорит, что война — не только тяжелое средство, а просто средство ни к чему негодное; что войною невозможно освободить Италию, что нашествие не может дать итальянцам свободы, а только подчинит их французским учреждениям, которые не легче австрийских. Брошюра ла-Героньера уверяла, что во всяком случае Франция не хочет завоеваний. Жиарден говорит, что война, начинаемая не для завоеваний, есть нелепость. Вот заключение его брошюры:

«Война бывает или наступательная, или оборонительная.

«Если она ни то, ни другое, она — вооруженное вмешательство. А не бывало никогда примера, чтобы вооруженное вмешательство достигло своей цели и не оказывалось ошибкой.

«Если война оборонительная, она оправдывается законностью.

«Если война наступательная, она извиняется победою.

«Победа без завоеваний — бессмыслица.

«Хотят ли вмешаться в ссору римлян с их правительством и отдать ломбардцев Пьемонту? Если так, мы говорим: «не воюйте».

«Хотят ли отомстить за Ватерлоо, возвратить Франции левый берег Рейна? Если так, мы говорим: «воюйте».

«Или война с ее завоеваниями, или мир с его прогрессом».

Доказывая, что война со стороны Франции должна быть непременно завоевательною, Эмиль Жиарден ставит для войны цель, признаться в которой никак не хотят, потому что сказать: «Франция хочет захватить часть Рейнских провинций Пруссии и часть Баварии», значит вызвать против Франции общую

европейскую коалицию. Эмиль Жиранден объясняет Европе, что она никак не может не вооружиться вся против Франции, под каким бы предлогом ни начала Франция войну; он доказывает, что война не может иметь другой цели, кроме завоеваний; он объясняет Франции, что вся Европа будет против нее, потому что непременно предположит в войне завоевательную цель. Эта брошюра в три дня имела три издания, каждое в огромном числе экземпляров.

Нам остается теперь обозреть общее положение дел около 14 февраля (нашего стиля), когда мы пишем эту статью.

Военные приготовления производятся во Франции, Сардинии и Австрии с величайшею деятельностью. Сардинская армия готова дать битву хоть ныне же. Австрия усилила свою армию в Италии до 150.000 человек, так что сардинцам нельзя будет удержаться и несколько дней, если они откроют войну до прибытия из Франции очень сильных подкреплений. На угрозу Франции, что к 1 июня она может иметь под ружьем около 700.000 человек, из которых около 500.000 может послать за границу, Австрия отвечала, что сама имеет почти такое же число войск и в случае оборонительной войны будет иметь союзницею всю Германию, которая выставит еще столько же войска, так что против французов двинется около 800.000 австрийских и немецких солдат. Франция готовит в Тулоне и Марсели огромное число судов для перевозки войск в Италию, усилила римский гарнизон и, как говорят, собрала 80-тысячную армию на сардинской границе для движения по другой стратегической линии, сухим путем, через Альпы. Все французские арсеналы кипят работою. В Венсене отливаются 650 пушек новой системы, так называемых нарезных орудий, столько же превосходящих обыкновенные пушки, как штуцер простое ружье. Главная деятельность Англии состоит в дипломатических переговорах для предотвращения войны; но и Англия сильно вооружается. Более всего старается она, конечно, об усилении флота и укреплении своих берегов. Но и для сухопутных наступательных действий она готовит средства. Довольно сказать, что, кроме всех других, простых и нарезных, орудий, она prepares 200 эрмстронговых пушек, которые изобретены, можно сказать, на-днях и несравненно выше обыкновенных нарезных пушек, известных на континенте *.

* По опытам, какие произведены были в последнее время в Англии, эрмстронгова пушка имеет изумительную верность и дальность выстрела: она бьет с такою же точностью прицела, как штуцер. В мишень 9 дюймов в квадрате, на дистанции 450 сажен, она попадает третьим ядром. Лафет ее устроен так, что после выстрела она сама собою приходит в прежнее положение, так что вновь наводить ее не нужно: второй выстрел без прицеливания бьет в то же самое место, как первый. Верный прицел простирается на расстояние 5 верст. Полная дальность выстрела простирается до 8 верст. Эти данные относятся к пушке 12-фунтового калибра. Но заряжается она не ядрами, а продолговатыми кусками железа, так что при 12-фунтовом калибре

Приготовления к войне уже требуют займов во всех четырех государствах, приготовляющихся к борьбе. Говорят, что английское правительство сделает заем в 10 или 12 миллионов фунтов (65—80 миллионов рублей), если вероятность войны не исчезнет в скором времени. Но это еще только предположение, а французское правительство уже ведет переговоры о займе в 750 миллионов франков (185 миллионов рублей). Говорят, что оно согласилось заключить его (по 3%) по курсу 60 франков. Это составило бы уже около 20% потери сравнительно с курсом 31 декабря. Но Англия и Франция богаты, они еще только думают о займе; и Франция вероятно, а Англия без всякого сомнения не встретят неудачи в получении нужных им денег. Австрия и Сардиния беднее; обе они уже теперь заключили займы, и Австрия, несколькими днями предупредившая свою итальянскую соперницу, уже потерпела решительную неудачу, которая наверное ждет и Сардинию. Заем был заключен с фирмой лондонского Ротшильда и должен был производиться на лондонской бирже. Еще 3 января австрийские 5-процентные фонды стояли на 93½; заем, объявленный в начале февраля, был негоцирован уже только по 80, да и по этому курсу не пошел. Несмотря на отсрочку в подписке, она не достигла предположенной цифры 6.000.000 фунтов (38 миллионов руб. сер.), — говорят, будто вся подписка не простирается выше 1½ миллиона фунтов; операция, вероятно, кончится большими убытками для Ротшильда. А если бы заем пошел, Австрия готовилась заключить еще новый заем на 4.000.000 фунтов. Сардинский заем (2 миллиона фунтов), также заключаемый в Лондоне, еще не был объявлен на бирже до того числа, за которое мы теперь имеем известия; но, по всей вероятности, его ждет участь столь же горькая. Сардинские фонды на лондонской бирже падают с нового года еще сильнее австрийских.

В этой трудности получать деньги на ведение войны находится одно из ручательств сохранения мира, выставляемых людьми, не желающими верить в войну. К сожалению, деньги для начатия войны всегда умеют находить, как бы трудно ни казалось это. Будут, пожалуй, делать 5-процентные займы по курсу 50% или еще ниже, а все-таки начнут войну, если захотят. Ведь и по условиям нынешнего займа Австрия, записывая в капитал долга

вес ее снаряда простирается до 2 пудов. Очень вероятно, что в описании достоинств ее есть преувеличение; но что действительно она дает результаты, далеко не достижимые для обыкновенных нарезных орудий, в том нет сомнения. Устройство ее содержится в тайне: известно только, что она построена совершенно не по той форме, как нынешние простые или нарезные орудия, и видом своим походит не на пушку, какие мы знаем, а на гигантское ружье. Если справедливо, что после выстрела и следующего за ним отката она приводится самым механизмом своего лафета в прежнее положение, так что не нужно ее наводить вновь, это одно преимущество могло бы сделать бессильными перед нею не только простые пушки, но и нарезные орудия других систем.

6 миллионов фунтов, должна была получить только 4 миллиона, — иначе сказать, соглашалась давать $7\frac{1}{2}\%$ — это не остановило ее, — будут платить и по 10% , за этим дело не станет.

Другую надежду на сохранение мира выставляют переговоры, которые ведет Англия с враждующими державами. В каком положении находятся они теперь? Публика знает далеко не все, что есть, предполагает многое, чего нет, и может ручаться за совершенную достоверность только очень немногих сведений из числа тех, которые доходят до нее. Но, сколько известно, дипломатическое положение вопроса около 15 февраля нового стиля было следующее: английский министерство говорит, что оно получило от Австрии обещание не начинать войны, от Франции обещание не помогать Пьемонту, если он начнет войну. Известно, впрочем, что в политике каждый день являются непредвиденные случаи, из которых каждым можно воспользоваться, чтобы, не нарушая обещания, сделать не то, чего не хотел бы, а то, чего хочешь. Нападение может быть сделано так, что его легко будет выставлять вовсе не нападением, а только обороною. Для объявления войны всегда может быть найден предлог, не входивший в число случаев, относительно которых было дано обещание. Кто бы, например, мог ожидать, что вместо Ломбардо-Венецианских областей поводом к разрыву будут выставляться сербские дела или состояние Папской области? Сербские дела теперь сошли с дипломатической сцены; в каком же положении находится вопрос о занятии иностранными войсками Папской области? Лондонский кабинет посылал в Париж, в Вену и в Турин ноты, убеждавшие к сохранению мира. Говорят, что Англия объявляла Сардинии свое намерение поддерживать Австрию в случае войны; говорят, что граф Кавур отвечал объявлением невозможности для Сардинии изменить свою прежнюю политику. Говорят, что венский двор, напротив того, отвечал выражением готовности вывести из легатств австрийские войска, если того хочет Франция. Этот ответ, говорят, был сообщен из Лондона в Париж; но как приняла его Франция, еще неизвестно в ту минуту, когда мы пишем.

Итак, будет или не будет война? Мы уже говорили, что до сих пор достоверно знает это только император французов да разве еще граф Кавур. Но говорят многое многие. Англичане хотят уверить себя, что войны не будет. В Сардинии почти все уверены, что война будет. В Германии и Австрии половина людей, посвященных в тайны больше других, полагает, что Франция запугана австрийско-немецкими силами; другая половина говорит, что Франция медлит начатием войны только благодаря влиянию Англии, но недолго будет медлить. В самой Франции большинство дипломатических людей утверждает, что война отсрочена — до мая месяца, по словам одних, чтобы докончить вооружения, — до конца нынешнего года, по словам других, что-

бы приобрести более союзников, дожидаться изменения английской политики в пользу войны и в том же смысле переработать общественное мнение во Франции. Но почти все прибавляют, что втою отсрочкою не уменьшается неизбежность войны, вытекающая из необходимости отвлечь французскую мысль от внутренних дел⁶.

Эта цель очень удачно достигается. Напрасно стали бы мы искать во французских газетах нынешнего года того живого внимания к внутренним вопросам, которое с половины прошлого года каждый месяц, каждую неделю все сильнее и сильнее выражалось журналисткою. Все внимание общества поглощено теперь итальянским вопросом; внутренние дела забыты.

И не только на Францию произвели такое действие приготовления к войне. И в других государствах Западной Европы этот вопрос внешней политики, став на первый план, больше или меньше развлек общественное внимание и ослабил развитие забот о внутренних улучшениях.

В прошлом месяце мы говорили, как неприятна старым аристократическим партиям Англии парламентская реформа, которая послужит к усилению в парламенте людей, желающих вывести правительство из-под устаревшей опеки нобльменов*. Мы говорили, что особенно неприятна реформа для тори, которых ослабит она и скорее, и гораздо в большей степени, нежели вигов. Лорд Дерби и мистер д'Израэли вздумали было воспользоваться слухами о войне, чтобы замять неприятный внутренний вопрос. Хорошим ли расчетом для них самих было бы это, мы увидим ниже. Но уловка не удалась, потому что виги иначе поняли шансы, представляемые отсрочкой, и для общей пользы, и своей, и своих старинных противников тори, поддержали требования реформеров не откладывая дело в долгий ящик. Однако же лорду Дерби, — везде, где мы будем писать по принятому правилу «лорд Дерби», читатель должен понимать «мистер д'Израэли», потому что д'Израэли истинный руководитель министерства, в котором номинальным главою считается лорд Дерби, — удалось сделать проволочку на целые две недели, и вместо того, чтобы прения о реформе могли начаться около 15 февраля (нового стиля), теперь первое чтение билля, составленного правительством, будет происходить 28 февраля. Таким образом, в настоящую минуту на сцене остается еще одна партия реформеров; она одна действует, как одна действовала в три предыдущие месяца, и наши известия о ходе реформенного вопроса будут служить только продолжением известий, какие мы имели уже в прошлом месяце. Главным лицом остается еще Брайт.

Читатель знает, что живое движение реформенному делу придал он свою речь на бирмингэмском митинге, за которым, до

* Дворянства, знати, именитых (т. е. богатых) людей. — Ред.

конца прошлого года, следовало несколько других огромных митингов в больших городах Англии и Шотландии. Осенью прошлого года старые партии никак не предполагали, чтобы вопрос начал принимать формы более широкие, нежели какими хотели бы ограничить его нобльмены. Их озлобление против человека, которого считали они главным виновником такой беды, было безмерно; оно выразилось свирепыми нападениями на Брайта от большей части газет большого формата, т. е. главных газет. Надобно сказать в объяснение дела несколько слов о характере больших английских газет, относительно которых обыкновенно говорится у нас, как и на всем европейском континенте, много фальшивого.

Обыкновенно думают, что английские газеты все, за исключением разве немногих ультра-торийских, очень либеральны. Оно, если хотите, отчасти и так, если сравнивать их с баварскими, неаполитанскими и т. п. Тоже отчасти справедливо это мнение и по их отношению к вопросам, занимающим ныне Пруссию или Францию, где речь идет об упрочении или введении таких учреждений, которые давно уже стали в Англии делом столь же непоколебимым, как, например, у нас цивилизованный обычай делать визиты на новый год и на пасху. Как у нас не найдется не только журнала или газеты, но не найдется ни одного отдельного писателя, ни даже какого бы то ни было человека, который бы стал отвергать законность и пользу нынешнего правила не держать женщин взаперти, а допускать их в общество мужчин, так в Англии никто не говорит против печатного обсуждения всех внутренних и внешних вопросов, против представительной формы, против митингов по общественным делам. Мы хотим сказать, что по некоторым вопросам англичане настолько же ушли вперед против континента Западной Европы, насколько мы ушли вперед от почтенных людей, споривших при Петре Великом о том, дозвоительно ли женщине показываться на глаза им, добрым людям. Эти дела, в которых Англия опередила континентальную Европу, очень важны, в том нет спора. Но допущение женщины в общество также дело очень важное. Однако же никто не станет утверждать, чтобы мы уже достигли совершенства и отделились от всех вопросов, заменив трепака, танцовавшегося мужчинами в одиночку, кадрилем, в котором участвуют дамы; так точно и англичане, при всей прочности своих важных приобретений, еще далеко не достигли совершенства в общественном устройстве, и есть в их жизни много чрезвычайно важных вопросов, еще не получивших удовлетворительного решения. Относительно этих вопросов большая часть главных английских газет вовсе не либеральны. За примерами далеко ходить нечего, их можно взять из дела о парламентской реформе. На континенте Европы каждый знает, что необходимою принадлежностью выборов должна быть баллотировка, что без нее чрезвычайно многие люди станут подавать го-

лос по уклончивым соображениям, в противность собственному убеждению, и, стало быть, выбор останется более или менее пустою формальностью. В Англии из десяти или двенадцати больших газет только три (*Morning Star* — орган Брайта, *Morning Advertiser* — орган радикалов, и *Daily News* — орган более умеренного отдела реформеров) соглашаются на баллотировку; а из трех главных политических журналов (*Quarterly Review* — орган тори, *Edinburgh Review* — орган вигов, и *Westminster Review* — орган либералов, склоняющихся к радикализму) ни один не принимает ее. Точно так же, какой бы ценз не считал наилучшим кто-нибудь из нас, жителей континента, все-таки каждый понимает, что если в одном округе избирателей одна тысяча, а в другом десять тысяч, и населения второй округ имеет в десять раз больше первого, то второй округ должен выбирать десять депутатов, а первый только одного. И тут опять из больших газет согласны на такую простую истину только те же три, а из трех журналов только один (*Westminster Review*). А на европейском континенте никто не отвергает ни баллотировки на выборах, ни пропорциональности числа депутатов с числом избирателей и жителей.

Отчего же происходит такая странная нелепица во взгляде большинства английских газет на вопросы, повидимому, очень простые? Тут две главные причины. Во-первых, английские учреждения сложились так давно, что многое в них от изменения обстоятельств утратило смысл, а между тем вошло в рутину. От рутины, как известно, очень трудно отказаться. Например, подача голосов на выборах, через записывание имен в реестре, ведет свое начало из тех времен, когда баллотировки не знали. За неимением этого лучшего средства, ничего нельзя было сказать против выборов через записку имен. Теперь лучшее отвергается потому, что привыкли к прежнему хорошему, образовавшемуся в дурное с течением времени. Англичане во многих случаях похожи на человека, которому трудно понять, что апрель и понедельник надобно писать маленькой буквой, потому что он учился грамматике еще в те времена, когда она велела писать эти слова большой буквой. Попробуйте растолковать такому господину, что он делает ошибку против орфографии. «Нет, говорит он, я твердо знаю грамматику». В том-то и беда, что грамматика с той поры во многом исправилась.

Другая причина та, что почти все английские газеты находятся в зависимости от старых партий, которые в свое время были хороши, а теперь обветшали. И газеты эти в свое время были либеральные, а теперь оказываются очень отсталыми, и главное, по необходимости враждебными всему, что грозит опасностью для старых партий. Это — случай совершенно в том роде, как если бы до сих пор продолжал существовать покойный Подшивалов и до сих пор продолжал издавать свой, прекрасный по тогдашнему

времени, журнал «Приятное и полезное препровождение времени», лучшим украшением которого были стихи Хераскова.

Отчего же газеты с отсталыми мнениями держатся так крепко? Причин на это много. Укажем только одну: власть до сих пор была исключительно в руках старых партий. Чего ищет читатель в газете? Ищет известий о политических новостях и о намерениях правительства или сильных государственных людей. Само собою разумеется, все эти сведения вернее и полнее всего получают теми газетами, которые служат органами для сильных парламентских партий, попеременно имеющих власть. Притом до последнего времени, до уничтожения штемпеля, в Англии почти не было возможности являться новым газетам.

Но все это мы говорим в объяснение факта, почему большинство английских газет значительного объема держится очень отсталых мнений; а, собственно говоря, нам нужно было только указать этот факт. Мы не думаем уменьшать достоинств английских газет: свежестью, подробностью и полнотою своих известий, точностью и добросовестностью в изложении фактов, простором, какой дают они всякому постороннему замечанию на свои суждения в своих же столбцах, а главное — прямою языку они возвышаются над континентальными газетами неизмеримо. Даже в лучшие времена французской журналистики французские газеты не равнялись в этих качествах с английскими. Но мы теперь говорим только о широте и свежести их взгляда на те вопросы, которые выходят из круга английской рутины. Тут в огромном большинстве их не ищите ясности взгляда: обо всем том, что еще не принято в английскую рутину, из десяти газет восемь наверное держатся таких мнений, которые даже в России каждый образованный человек называет отсталыми.

По этой отсталости, а главное, по принадлежности большинства английских газет к старым партиям, читатель может предположить, с каким ожесточением напали они на Брайта, придавшего сильное движение делу, подрывающему прежнее исключительное владычество нобльменов над государственною жизнью. Люди рутины никогда не затруднятся выбором обвинений против человека, кажущегося вредным для рутины: эти обвинения готовы к употреблению для всякого желающего, по всевозможным делам: со времен Будды Шакьямуни все люди, желавшие улучшений в общественной жизни, подвергались обвинениям в сумасбродных замыслах, в утопизме, в восстановлении сословия против сословия, в намерении ниспровергнуть отечественные законы, в недостатке любви к отечеству, в унижении отечества перед чужими землями, в желании уничтожить собственность, в разрушении общественного спокойствия, в стремлении подвергнуть родину смутам, мятежам и так далее. Разумеется, к Брайту прямо были приложены все эти готовые прикрасы. Мы приведем на выдержку несколько милых выражений из Times'a, сильнейшей английской газеты, ко-

торая, надобно заметить, очень не расположена к тори, следовательно, еще не так горячится, как многие другие из значительных газет. У нас под руками Times с начала нынешнего года. Берем же первый номер и прямо попадаем на статью, выражающуюся таким манером: «Демагог (т. е. Брайт), стремящийся разрушить основания конституции»; «его лживые и возмутительные пасквильные речи»; «бирмингэмский демагог»; «мистер Брайт, принципами которого мы гнушаемся»; «его легкомысленные клеветы направлены против всей собственности и образованности нашего отечества» (а кстати, о собственности надобно заметить, что Брайт очень богатый человек); «принципы, им высказанные, — принципы человека, стремящегося низвергнуть все здание политического общества. Учение, им проповедуемое, — то самое учение, которое по истории и опыту оказалось разрушительным для собственности, свободы и порядка»; «он извращает мысли своих слушателей ложью и разжигает страсти их реторикою»; «он лицемерно называет себя защитником простолюдинов, изрыгая площадные пошлости»; «он говорит с чернью, на невежество которой рассчитывает»; «эти дерзкие и злонамеренные лжи возбудили негодование и отвращение по всей Англии, в рассудительных людях всех сословий, от низшего до высшего»; «должно противиться действию яда, столь бесчестно изливаемого»; «гнуснейшее плутовство, плутовство демагога, который похищает у людей смысл, становясь сводником для страстей»; «это возмутительная ложь»; «дело свободы подрывается, истина грубо насилуется, справедливость постыдно оскорбляется». Эти любезные отзывы все набраны нами с одного только столбца Times'a, а столбцов на странице этой газеты целых шесть, а страниц в каждом номере газеты восемь, — сколько же приятностей о Брайте могло поместиться в одном номере этой газеты?

Как должны быть переносимы такие оскорбления и чем могут быть опровергнуты такие обвинения, это скажет нам Кобден в письме, которым перед отъездом в Америку выражает совершенное свое согласие с биллем Брайта:

«Наблюдая из моего уединения за ходом дела, предпринятого мистером Брайтом, я поражен сходством испытания, которому он подвергается, с тем, которому подвергался я в первые времена Лиги для отмены хлебных законов; то же самое искажение и побуждений, и слов, тот же самый лицемерный ужас относительно судьбы, какую готовит он монархической власти, церкви, аристократии и собственности. Я терпел все это, как терпит теперь он; и если он будет твердо идти своим путем несколько лет, пока его проект, в главных своих основаниях, станет законом, — в чем нельзя сомневаться, — тогда он испытает, как и я испытал, более приятную сторону своего дела. Когда каждый увидит, что, вместо всех предсказываемых бедствий, из его реформы происходит только увеличение безопасности, довольства и благосостояния, тогда он найдет, что из десяти человек, выражающих ныне величайший ужас к нему, девятеро наперерыв побегут поздравлять его с успехом его дела. Мало того, пожимая ему руку, они станут утверждать, что всегда были согласны с ним в принципах, и жалеть только о том, что с самого на-

чала они и он не поняли друг друга. Эти две полосы бывают в судьбе всех тружеников политического прогресса, и наш друг имеет так много опытности подобного рода, что не будет ни удивлен, ни огорчен тем, что происходит ныне».

За что, однако, такие сильные выражения ужаса и ненависти? Чего требует партия реформеров через билль, предлагаемый Брайтом?

После нескольких митингов, имевших целью поднять вопрос, Брайт в конце прошлого года удалился на несколько недель в свой кабинет, чтобы в совещаниях с другими главными людьми реформерской партии приготовить билль для предложения парламенту. Это дело многосложное, требующее статистических и этнографических исследований. Когда билль был готов, Брайт объявил, что явится на митинг в Бредфорде 17 января, чтобы изложить главные основания своего проекта. В приложении к этой статье мы помещаем обширное извлечение из бредфордской речи, потому что она очень важна, показывая границы желаний, кажущихся для настоящего времени практичными главным людям той парламентской партии, которая стремится к реформе. Притом бредфордская речь очень полно излагает смысл всех тех подробностей вопроса, которые мало известны нам, жителям континента; она интересна и потому, что может служить образцом красноречия, которым прославился Брайт. Самые замечательные качества этого оратора, на ряду с которым в Англии ныне можно поставить только Гледстона, — ясность и простота. Предоставляем читателю познакомиться с подробностями билля из речи самого Брайта; здесь мы только укажем главные черты его проекта.

Билль составлен в духе гораздо более умеренном, нежели как можно было ожидать. Брайт в определении ценза и в определении нормы, ниже которой города должны потерять право иметь особенных депутатов, не хотел идти далее тех мнений, которые приняты даже многими вигами. Но гораздо важнее, нежели понижение ценза, кажется ему введение баллотировки вместо открытой подачи голосов и способ распределения между городами и графствами тех депутатов, которых предполагает он взять у слишком маленьких городов. В этом он совершенно прав: без баллотировки избиратели не будут самостоятельны; а если депутаты, взятые у маленьких городов, будут переданы графствам, то большие города не получат надлежащего участия в составлении палаты общин, и большинство депутатов попрежнему останется в зависимости от нескольких землевладельцев. Брайт предлагает взять депутатов у городов, имеющих менее 8.000 населения, и оставить только по одному депутату городам, имеющим от 8.000 до 16.000 населения. Таким образом очищается 130 депутатских мест. Из них 104 предлагает Брайт раздать большим городам, которые до сих пор имели слишком мало представителей. Самые большие города (Манчестер, Ливерпуль, Глазго и два из изби-

рательных округов Лондона, Финсбери и Мерильбон), имевшие в 1851 году, когда производилось последнее перечисление, каждый более 316.000 населения, а теперь имеющие каждый более 400.000, получают по 6 депутатов (до сих пор они имели только по два, наравне с каким-нибудь Гопитонем, имеющим менее 3.500 жителей). Другие большие города получают также соразмерное своему населению увеличение представителей; например, Бирмингэм (232.000 жителей) должен иметь четырех депутатов. Остальные 26 из освобождающихся депутатских мест раздаются графствам, имеющим наибольшее число жителей. Таким образом, участие в составлении парламента значительно уравнивается между городским и сельским населением, впрочем, так, что некоторая выгода все-таки остается на стороне сельского населения, то есть большим землевладельцам, под влиянием которых находятся фермеры и их работники, все еще оставляется слишком большое влияние на состав палаты общин. Сельское население будет иметь по одному депутату от 55.000 человек, а 17 больших городов, взятые вместе, будут иметь по одному депутату на 62.000. Мы видим, что Брайт не вводит в свой билль требования той совершенной пропорциональности числа депутатов с числом населения, какая принята всеми конституционными государствами на континенте, принята в Соединенных Штатах, произошедших от Англии, и в Австралии, остающейся английскою колониею. Он довольствуется пока тем, что отстраняет слишком нелепые крайности в прежнем распределении, совершенно не соответствовавшем числу жителей в избирательных округах.

Точно так же он не требует в настоящее время, чтобы каждому взрослому человеку дан был голос (manhood suffrage), как это принято в Соединенных Штатах и в Австралии, хотя в теории признает это справедливым. Он предлагает только дать голос всем тем людям, которые живут собственным хозяйством и не получают пособия из подати в пользу бедных (household suffrage); а все такие люди участвуют, соразмерно своему состоянию, в платеже подати для бедных; потому Брайт требует, чтобы дан был голос всем, внесенным в списки лиц, платящих эту подать (rating suffrage). То или другое основание будет принято, — все равно, потому что почти нет людей, которые стояли бы не в одинаковом отношении к тому и другому основанию избирательного права. Принять второе основание (голос по подати) кажется Брайту более удобным на практике, потому что податные списки уже готовы и проверять их легче, нежели вновь составить и проверять списки по первому основанию. Но если голос по хозяйству покажется нации и парламенту лучшим основанием, нежели голос по подати, Брайт не имеет против этого никаких возражений. Принимая голос по хозяйству или по подати вместо голоса по совершеннолетию, Брайт делает чрезвычайную уступку вигам и тори. Он простирает свою уступчивость к предрассудкам старых

партий до того, что и голоса по хозяйству или подати требуются им только для городов. В деревнях земледельческие работники развиты меньше городских и менее настоятельны в своих требованиях; потому Брайт находит, что дух сельского населения допускает сделать старым партиям еще большую уступку, и предлагает для деревень квартирный ценз в 5 фунтов. (До сих пор в городах был квартирный ценз в 10 фунтов, а в деревнях в 50 фунтов, то есть получал голос в городах только тот, кто занимал квартиру ценою не менее 10 фунтов в год; мы говорили в прошлый месяц, что таким цензом исключались от выборов все простолюдины).

Такие умеренные основания на первую минуту изумили людей старых партий. Сам Times, сильнейший противник Брайта, не мог на первый раз удержаться от похвалы ему за практичность и умеренность, и объявил, что отвергать основания Брайтова билля нельзя, а можно только спорить с его подробностями, для их исправления.

Но чувство, особенно чувство признательности или довольства умеренностью противника, проходит скоро. Дня через два газеты старых партий снова поднялись против Брайта; сильная брань на него продолжается до сих пор и, конечно, будет продолжаться до тех пор, пока партия реформеров усилится в парламенте настолько, что составит билль с гораздо меньшими уступками старым партиям. Тогда, конечно, виги и тори заговорят: «вот, бредфордский билль Брайта был хорош и мы с удовольствием его принимаем; а ныне Брайт (или кто другой, если кто другой станет вместо него предводителем реформеров) требует ужасных и гнусных вещей: хочет погубить свободу, водворить в Англии мятежи» и т. д., и т. д., по тому самому списку прикрас, который мы извлекли из первого номера Times'a за нынешний год и который изготовлен искони веков для применения к каждому человеку, желающему улучшений.

Но возобновившаяся брань далеко уже не так свирепа, как та, которая раздавалась до бредфордского митинга, и с каждою неделей газеты старых партий делают новые уступки, хотя, разумеется, гомеопатическими дозами. Да и нельзя не делать Брайтову биллю некоторых уступок. Он действительно гораздо умереннее, нежели ожидали старые партии. Это одно. Другое обстоятельство состоит в том, что агитация в пользу реформы быстро растет: недаром Брайт в конце бредфордской речи говорил нации о необходимости поддерживать вопрос о реформе; каждый день собирается по разным городам Англии и Шотландии несколько больших митингов и все они принимают сильные решения, выражающие согласие с основаниями, принятыми для реформы Брайтом. На-днях агитация перешла и в Ирландию; а на восточном острове достигла уже очень значительных размеров. Третье обстоятельство, самое важное для удовлетворительного

решения дела парламентом, заключается в том, что выступают на сцену те отделы реформерской партии, которые идут гораздо далее Брайта, если не в теории, то в суждении о границе практических требований, осуществимых в настоящее время. Они говорят, что основания Брайтова билля слишком узки, что напрасно он сделал такие большие уступки старым партиям. В приложении к этому обзору мы помещаем отчет об одном из таких митингов; он состоял из хартистов и главным оратором был Эрнест Джонс, знаменитый хартистский агитатор. Митинг происходил в знаменитой Гильдейской зале лондонской ратуши, — в той зале, где происходят торжественнейшие церемонии административной жизни города Лондона; где дается лордом-мэром годичный обед министерству при окончании парламентской сессии; где лорд-мэр принимает королеву, когда она приезжает засвидетельствовать свое уважение хозяину своей столицы. Сам лорд-мэр, хотя, разумеется, вовсе не хартист, почел обязанностью председательствовать на митинге. Кстати, вот за это нельзя не отдать чести всем англичанам, в том числе и англичанам старых партий. До сих пор читатели слышали нас говорящими только о недостатках и злоупотреблениях английской общественной жизни. Мы не спешили хвалить ее, потому что от похвал ей никак не уйдешь, сколько ни брани ее. Подумаем хоть бы об этом митинге. Собираются люди такого сословия, что большинство их, по выражению переведенного нами отчета, «очевидно, не принадлежит к числу избирателей», т. е. не занимает даже в Лондоне, где квартиры так дороги, квартир ценою в 60 рублей за год, или в 5 рублей за месяц. Эти люди собираются выразить свое согласие на такие мнения, которых не разделяет даже Брайт, — а что за человек Брайт, видим по аттестату, выписанному у нас из Times'a. Но эти люди — граждане города Лондона, и потому городское управление предлагает их собранию великолепную залу торжественных церемоний, и глава городского управления, великий сановник, уступающий в официальной важности разве трем-четырем главнейшим министрам, идет председательствовать на этот митинг, чтобы блеском своего сана придать ему новое значение. Зато по окончании митинга эти хартисты вотируют ему благодарность с громкими аплодисментами. Так вообще держит себя власть в Англии; зато люди всех мнений и желают добра этой власти, и, например, Эрнест Джонс, который по своим убеждениям в миллион раз демократичнее континентальных мятежников, действительно не имеет и на уме, не только не скажет на словах, ничего против королевы, хотя мог бы говорить о ней, как ему угодно; и не только не имеет ничего против нее, напротив, готов защищать ее в случае надобности, — впрочем, мы забыли, что случая такого никогда не представится ему, потому что в Англии королева не имеет ни одного врага; да и власть ее также⁷.

В отчете, который мы перевели, речь Джонса изложена очень

неудовлетворительно: слишком коротко, бессвязно и довольно бестолково. Но лучшего отчета мы не нашли в газетах, бывших у нас под руками, а содержание речи казалось нам довольно важным для читателя, потому что выражает отношения хартистов к вопросу о реформе. Мы перевели отчет целиком, чтобы познакомить читателя с формой, в которой происходят митинги.

Партия хартистов заключает в себе большинство тех английских простолюдинов, которые доросли до политических убеждений. Почти не имея представителей в парламенте, она «за дверями парламента», как говорят англичане, считает своих членов миллионами и составляет главную поддержку для реформеров, имеющих более умеренный оттенок. Только сочувствие массы выносит на плечах через парламент каждый важный вопрос, хотя люди, ведущие дело в правительственной сфере, то есть, если мы говорим об Англии, в журналистике и в парламенте, имеют образ мыслей, далеко отстающий от желаний массы. Те миллионы, поддержкою от которых держатся и двигают вперед свое дело реформеры палаты общин, требуют в составе парламента перемен гораздо больших, нежели какие предлагает своим биллем Брайт. До половины января эти люди не выступали на сцену самостоятельным образом. Теперь, как видим, агитация проникла в глубину народной жизни уже настолько, что обняла эти низменные слои народонаселения, и явились ораторы, служащие прямыми выразителями чувств простолюдина; они говорят, как мы видели, что билль Брайта грешит излишней уступчивостью. Вот именно это предъявление желаний, идущих гораздо дальше, служит для старых партий сильнейшим побуждением понемногу претворять на милость свой гнев против Брайта.

Главная трудность при составлении его билля была та, чтобы довести уступки старым партиям именно до той границы, на которой проект все еще может пользоваться поддержкою самых крайних отделов партии, желающей реформы; чтобы, увеличивая этою уступчивостью число защитников билля в нынешней палате общин, сохранить ему единогласную поддержку всей массы народа; сделать так, чтобы билль пробуждал сочувствие в массах, не пугая самых умеренных либералов в парламенте. Брайт умел сделать это, как человек, имеющий опытность и талант в политической тактике. Хартисты, хотя и думают, что следовало бы требовать ныне большего, нежели требует Брайт, все-таки объявляют, что они поддерживают его; а умеренность билля приобретает ему такое сочувствие в среднем и отчасти высшем сословии, что старые партии принуждены понемногу становиться к нему снисходительными. Но само собою разумеется, что старые партии все-таки отвергают и отвергнут билль Брайта. Да и как не отвергать? При всей мягкости он все-таки подрывает их могущество.

По словам самого Брайта, сущность дела состоит в том, чтобы почти все депутаты, отнимаемые у маленьких городов, были пере-

даны большим городам, потому что только через это установится в палате общин некоторое равновесие между числом представителей всей огромной массы английского населения и числом депутатов, посылаемых в парламент несколькими сотнями лендлордов, которые, безусловно владея в палате лордов, имели до сих пор в своем распоряжении более двух третей голосов в палате общин. Именно на эту часть Брайтова билля и восстанут старые партии самым сильным образом. Против увеличения числа избирателей они говорят мало, готовы были бы простить Брайту баллотировку, но никак не могут примириться с тем, что по его биллю число независимых представителей нации в палате общин увеличится новыми 104 членами. Тут огорчение старых партий так велико, что Times мог успокоить свое и их негодование только составлением своего особенного проекта относительно распределения депутатов: Times предлагает очищающиеся депутатские места разделить между большими городами и графствами почти поровну. Брайт составил и обнародовал подробные таблицы своего распределения депутатов; против этих таблиц Times выставил свои таблицы, столь же подробные, так что парламент может выбирать тот или другой план и пользоваться готовою работою манчестерского фабриканта или лондонской газеты.

О достоинстве работы Times'a мы не будем говорить; она скопирована с Брайтовых таблиц, которые только переделаны соответственно с выгодами старых партий; но любопытны два обстоятельства. При всей своей досаде на желание ослабить лендлордов, Times сам берет из-под их влияния очень большое число депутатов: из очищаемых его таблицами депутатских мест он отдает 53 места большим городам. К чему же служат проклятия против нововводителей, когда защитники старины также предлагают нововведения и в том же самом смысле, как нововводители? Вся разница тут в объеме нововведения, т. е. во времени: по Times'у производится ровно половина того, что предлагает Брайт, т. е. дело придет к тому же, только не в один, а в два приема, т. е. понадобится на достижение полного результата вдвое больше времени; в этом и вся разница между выигрышем и проигрышем дела партией реформы. Ее поражение — половинная победа с некоторою отсрочкою полной победы; победа рутинистов — половинное поражение с некоторою отсрочкою полного поражения. Так идут дела на свете везде и всегда: к чему идет дело, к тому непременно придет; важность лишь в том, на сколько удастся затянуть его.

Надолго ли можно затягивать, это мы увидим, когда станем говорить о парламентских заседаниях 3 и 7 февраля.

Но вообще — долго ли или ненадолго — можно затянуть только одну какую-нибудь сторону дела, и именно этой затяжкой одной стороны подвигается вперед другая сторона того же дела, и невдогад бывает останавливающему, что он сам ускоряет дви-

жение неприятного ему дела. В чем состоит цель реформеров? В освобождении нации от опеки лендлордов. В чем состоит эта опека? В том, что законы даются через палату общин старыми партиями. Зависимость законодательства от вигов и тори была до сих пор так велика, что ни один важный закон не составлялся иначе как руками предводителя одной или другой из старых партий, именно той, которая пользовалась большинством в парламенте и держала своих предводителей министрами. Теперь Брайт, который — не виг и не тори и которому очень далеко от надежды быть министром, составляет полный проект важнейшего закона. Какая дерзость! По старому обычаю он должен был только предложить палате общин, чтобы она выразила в общих фразах, что, по ее мнению, полезно было бы составить проект закона о парламентской реформе. Если бы палата приняла это предложение с согласия министерства, министерство само занялось бы составлением проекта; если бы палата приняла предложение против согласия министров, прежнее министерство пало бы, министрами сделались бы предводители другой из старых партий, которая поддержала предложение против своей соперницы, и эти новые министры занялись бы составлением проекта. Наконец, если бы палата отвергла предложение, тем дело и кончилось бы, и проект закона, мысль о котором отвергнута, никто не стал бы и составлять. Таким образом, во всяком случае, проекты важных законов составлялись только министрами, т. е. предводителями двух старых партий; из других людей никто не принимался за это дело, потому что было бы напрасно приниматься. Теперь Брайт, ни виг, ни тори, берется за дело, составлявшее привилегию вигистских и торийских предводителей. Старые партии и их газеты, и чуть ли не больше всех газет Times, были возмущены такою дерзостью. «Кто такой мистер Джон Брайт? Вероятно, это новая фамилия лорда Росселя или лорда Дерби; потому что если под именем мистера Джона Брайта не надобно разуместь одного из этих лордов, то напрасно этот джентльмен берется не за свое дело». Негодование прекрасное, совершенно соответствующее рутине. Но что же мы видим? Раздраженная дерзостью этого «мистера Джона Брайта», газета Times выставляет против его проекта свой проект, — это что значит? Разве газета Times — лорд Россель или лорд Дерби? Разве она предводительница одной из двух парламентских партий? Нет, она просто газета, т. е., по рутинному этикету, нечто бесконечно ничтожнейшее, нежели самый плохонький член палаты общин. Брайт все-таки «депутат замка Бирмингэма», все-таки частица официальной законодательной власти, а газета Times, по старым понятиям, которые она защищает, — просто нуль. Вот до чего дошла старая Англия! Газета, — подумайте только, газета, — ведь по обычаям старых партий не принято выражаться в парламенте о газетах иначе, как презрительным тоном: «газеты ничего не знают; газеты только

спекулируют на невежестве публики; они пишутся только для невежд; кто же из достопочтенных лордов и джентльменов верит газетам?» и т. д., — так вот это ничтожное для парламента существо — газета — составило закон и требует, чтобы парламент принял его! Это ни на что не похоже! Она вырывает из рук министров дело, составлявшее исключительную привилегию министров. Какая же польза защищать рутину, если защитники нарушают ее еще более резким образом, нежели противники? По рутине Брайт и Times — ничтожны. Действительное их могущество огромно. Чего требует Брайт? Того, чтобы новым интересам и силам было дано пропорциональное участие в законодательстве. Times говорит: это гнусно и нелепо; и сам, тоже новая сила, хочет давать законы старым партиям парламента.

Важнейшим обвинением против Брайта после бредфордского митинга осталось одно: стремление отнять у немногочисленных лендлордов перевес в палате общин над голосом английской нации. Их владычество над сельским населением прикрывается тою формою, что говорится не об интересах лендлордов, а об интересах земледелия или сельского населения, как будто бы интерес фермеров и простых землепашцев одинаков с выгодами лендлордов, между тем как на самом деле между желаниями этих двух сословий совершенная противоположность. Кроме того, по общему обычаю отрицать существование тех фактов, которые нам неприятны, газеты старых партий говорят, что в народе нет стремления к реформе, что Брайт бессилен, что он не может двинуться на Лондон с толпою в 100.000 человек из Манчестера или Бирмингэма, как угрожали двинуться агитаторы, требовавшие парламентской реформы в 1832 году. Чтобы отвечать на эти и другие обвинения, Брайт явился на новый большой митинг 28 января в своем родном городе Рочделе*. Это был последний большой митинг, на котором он хотел говорить до открытия парламента, и естественно было ему избрать для последней своей беседы с английским народом перед парламентскою борьбою свой родной город. Мы представляем здесь заключение его рочдельской речи, которая начинается обращением к собравшимся людям, которые знают его с детства, чтобы они сказали, какой он человек. «Меня называют, — говорил он, — врагом английских законов и свободы; вы засвидетельствуйте, правда ли это». Митинг отвечал следующим решением:

«Настоящий митинг желает выразить глубокое уважение, которое питают к мистеру Джону Брайту, члену парламента, жители его родины. Рожденный и воспитанный среди нас, член семейства, знаменитого своею гуманностью и заботливостью об улучшении физического и умственного состояния своих многочисленных работников, он рано обнаруживал в защите и ведении

* Рочдель — большой вновь возникший мануфактурный город подле Манчестера, с которым он так близок, что оба города вместе составляют, можно сказать, один город.

местных интересов те великие таланты и та высокая честность, которые потом, в более обширной сфере и по вопросам национальной важности, доставили ему всесветную и вечную известность. Признавая эти заслуги, жители его родины собрались теперь, чтобы уверить его в симпатии, которую они чувствовали к нему во время его скорби и временного изгнания*, уверить его в радости своей о его выздоровлении и возвращении в парламент и выразить свою пламенную надежду, что ему дано будет не только привести к счастливому окончанию великое дело парламентской реформы, вверенное его заботе, но и получить единственную награду, какой он желает, — видеть в следующие годы, что эта реформа содействовала водворению мира, счастья и благосостояния между его согражданами».

Начало рочдельской речи посвящено подробному техническому разбору тех специальных возражений, какие делались газетами против разных частей его билля, и разбору плана, предлагаемого Times'ом. Брайт перебирает все газетные обвинения, особенно те, которые ввозились на него сильнейшею из английских газет, Times'ом. Но, говорит он, все-таки дай бог, чтобы газеты больше занимались этим делом; они помогают пробуждению общественного мнения; и хотя они говорят теперь против нас, «зи приносят нам пользу, сообщая известия публике, и вы скоро увидите, что они изменят тон, как уже начали изменять его, потому что общественное мнение высказывается за нас, а против него газеты не могут долго идти. За техническим разбором специальных возражений против подробностей билля следует вторая половина речи, относящаяся к разъяснению существенного вопроса, — к разъяснению отношений между городским и сельским населением и отношений сельского населения к лендлордам, которые называют себя представителями сельского населения. Мы переводим эту часть речи по отчету, помещенному в Times'e.

«Я утверждал, что палата лордов — собственно представительница больших землевладельцев, а не сельского населения, не фермеров, не земледельцев. Если б это нуждалось в подтверждении авторитетом, я сослался бы на лорда Маколея, который, будучи мистером Маколеем, говорил во время прений о реформе 1832 года: «Наше решение, решение палаты общин, есть решение нации. Решение лордов едва ли может считаться решением даже сословия больших поземельных владельцев, из которых обыкновенно выбирают перы и представителями которых они в сущности должны считаться». Вот именно это я и утверждал; именно то, что палата лордов — представительница желаний, мнений, если угодно, предрассудков больших землевладельцев (аплодисменты). Теперь, станет ли кто спорить со мною, что все интересы в нашей стране, свободной стране, имеют одинаковое право на справедливое представительство в парламенте и на справедливое законодательство от парламента? И если поземельная собственность имеет огромный перевес в одной из двух палат парламента, чего никто не отрицает, то она не имеет никакого права претендовать, — и мы просим ее обдумать это, пока есть время (аплодисменты), — не имеет никакого права претендовать на то, что должна иметь также перевес и в другой палате. Эти споры, если только народ вслушается в них, выведут народ на хорошую дорогу. Они ведут, по крайней

* То есть, когда во время Крымской войны все кричали, что он изменник отечеству; когда потом Манчестер отнял у него звание своего депутата и больной Брайт должен был на время уехать в Италию.

мере, к вопросу о равных избирательных округах*, ведут также к вопросу о конституционных переменах в составе палаты лордов** (так, так!), — вопрос, которого я теперь не хочу рассматривать и который еще не предложен публике. В первой речи своей, которую я говорил в Бирмингэме, я сказал, что вопрос, на который следует вам обратить внимание при реформировании палаты общин, вот в чем: должны ли лорды и большие поземельные собственники, с которыми лорды связаны и представителями которых служат, должны ли они управлять английским народом через палату общин, или через палату общин должен управлять собою сам английский народ? (аплодисменты). А теперь я вам скажу, что в этом вопросе спор не между нами, жителями городскими, и сельскими жителями. Сельские жители — это маленькие собственники (freeholders), бывшие опорою друзей свободы до реформы 1832 года. Да и сами фермеры не огорчаются нашими намерениями. Большие собственники огорчаются, — это может быть, но сельский народ вовсе не огорчается; да и как ему огорчаться? Посмотрите на политическое положение фермеров; для фермера выборы время не очень сладкое (так, так!). К сожалению, мы слишком хорошо знаем, что заниматься политикой, составлять себе совестливые убеждения, иметь желание честно исполнять обязанность избирателя, — все это подводит фермера под такое замечание, от которого недалеко до мученичества. Как вы думаете, доставят ли когда фермерам какую-нибудь выгоду те, которых называют представителями поземельного интереса? Если фермеры когда-нибудь приобретут свободу, если когда приобретут они что-нибудь, например, облегчение в налогах, справедливое распределение податей, отмену законов об охоте, самостоятельность через баллотировку (аплодисменты), — если они приобретут что-нибудь такое, то уж наверное не от депутатов поземельной собственности, а разве благодаря силе и союзу городских жителей, любящих свободу и добывающих ее себе и другим (аплодисменты). В прошлые годы, как вы знаете, я сильно участвовал в вопросе относительно законов об охоте (аплодисменты). Я был членом комитета палаты общин по этому вопросу. Мы призывали в комитет многих почтенных фермеров. Я получал сотни писем от фермеров из всех концов королевства. Как вы думаете, если бы депутаты от графств были в самом деле представителями фермеров, представителями земледельцев, продержались бы нынешние законы об охоте хотя одну сессию? (нет, нет!). Фермер берет ферму, набитую зверями, которых не смеет он тронуть пальцем (хохот): это дичь для собственника фермы, и фермер или его сын не могут ходить по той самой земле, которую наняли, не подвергаясь подозрению и шпионству сторожа, приставленного владельцем смотреть за дичью. Поговорите с каким хотите фермером, каждый умный человек из них скажет вам, что его интерес и ваш интерес совершенно один и тот же. Прежде землевладельцы обольщали его, будто ему полезен протекционный тариф; теперь он знает, что отменение хлебных законов было большою пользою для всех занимающихся земледелием (аплодисменты). Фермер, живущий своим трудом, как мы живем своим, знает, что у него и у нас одни интересы, одинаковое желание свободы, одинаковое желание, чтобы облегчились подати, чтобы в правительстве была экономия; поверьте, он знает, что все, чего может по справедливости требовать или уже требует городское население, всего этого огромная масса фермеров должна желать с такою же силою и охотою, как и мы, горожане (аплодисменты). Но депутаты от графств, пока они остаются представителями больших землевладельцев, — люди совершенно иные. Они — правительственное сословие. Они составляют правительство, они пользуются выгодами протекции, получают выгоду от государственных издержек (так, так!). Какую жизнь предлагают мы для наших сыновей? Они будут работать на фабриках или торговать. Но большие землевладельцы смотрят не в Манчестер, не в Лидс,

* Т. е. к составлению билля на основании, предлагаемом хартистами.

** Т. е. к тому, чтобы члены верхней палаты избирались народом, как члены палаты общин.

не в Ливерпуль, не в торговую и промышленную часть Лондона; их младшие сыновья ищут себе обеспечения для жизни в государственных издержках, на которые расходуются 40 миллионов фунтов ваших податей, кроме денег, идущих на проценты долга (так, так!). Вот великое прокормление для младших сыновей этого сословия (сильные аплодисменты). Я скажу фермерам с этой эстрады, что из всех тысяч горожан, с которыми я говорил в эти три месяца, и изю всех сотен тысяч горожан, читавших в газетах то, что я говорил, нет ни одного человека, который бы не протянул каждому фермеру и не сказал бы ему: «вы сын труда, подобно мне: вы живете в земле, которая хочет иметь свободы больше прежнего; ваш интерес в том, чтобы правительство было хорошо и экономно, чтобы был мир, были справедливые законы, было счастье в народе; будьте моим другом и братом навек и доставьте эти блага всем нам» (сильные аплодисменты).

«Теперь я спрошу вас, стоит ли хлопот великая реформа, которую мы обсуждаем? стоит ли она борьбы, которую всегда должен вести народ, желающий получить или расширить свою свободу? Города Англии должны решить это при помощи, какую может дать им сельское население. Мне говорят, будто нынешний порядок так хорош, что народ не думает о парламентской реформе; но эти люди западного конца Лондона, которые прогуливаются от роскошных домов Гровенор-Сквера до Польш-Молля, где дома еще роскошней, — эти люди не знают, что на сердце у народа в Йоркшире и Ланкашире и во всех многолюдных частях королевства (так, так!)! В эти три месяца я видел больше людей, чем кто-нибудь. Я знаю симпатию, выражающуюся к этому вопросу. Я видел блеск, огонь в тысячах глаз. Я знаю, думает ли народ об этом вопросе (аплодисменты), и знаю, понимает ли он, что ему нельзя не думать о нем. Разве мы не самый трудолюбивый народ на лице земли, разве у нас паровых машин не больше, разве у нас всякие машины не лучше, разве пути сообщения у нас не удобнее, разве земледелие и фабрики у нас не более производительны, разве всего, от чего развивается богатство, у нас не больше, чем у всякого другого народа на лице земли? (аплодисменты). А все-таки теперь, со всей нашей хвальной цивилизацией и свободой, у нас, я полагаю, теперь больше нищих-бедняков, нежели избирателей (так, так!). Каждые двадцать или двадцать-пять лет мы хороним миллион таких нищих (так, так!)! А все-таки их вырастает вечно новый урожай. Вечно остается этот осадок общества, бедный, жалкий, в котором до сих пор не могли мы произвести никакого заметного улучшения. И этот миллион бедняков еще далеко не совмещает в себе всех существующих страданий. Когда человек раз сделался совершенным бедняком, когда в нем заглохло отвращение от зависимости, когда он перестал чувствовать унижительность этого положения и находит себя обеспеченным на остаток своей жизни или в уоркгаузе*, или в какой-нибудь лачуге, где попечители о бедных дают ему пособие, — он свободен тогда от беспокойства за будущее. Но оставим миллион этих нищих и взглянем на другой миллион людей подле них, на людей, не потерявших самоуважения, имеющих семейство и хозяйство, имеющих у себя средства для них дорогие, на этих людей, которые добывают свой насущный хлеб со дня на день своими руками, которые вот имеют работу, хотя, может быть, неверную, недостаточную и часто с платой слишком скудной, и чувствуют себя как будто немного на свободе, но вот опять подавлены и увлекаются на самый край нищеты, — представьте страдания в этих семействах, представьте борьбу с жизнью у этих людей, эту борьбу, совершенно неизвестную нам, людям другой обстановки (так, так!)! Представим же себе хоть ту неполную картину всего этого, о которой можем иметь понятие, и спросим себя: «как же все это существует в нашей земле, с нашею великою силою производительности, с нашим талантом собирать со всех поднебесных климатов избытки всех народов для увеличения роскоши и комфорта в каждом английском домохозяйстве?» (сильные аплодисменты).

* Рабочий дом. — Ред.

Небо ли винить в этом? Бог ли забыл быть милостивым? Или это человек своими преступлениями и ошибками произвел эти бедствия? Кто были ваши правители в течение поколений? Кто расточал ваши деньги? Кто расточал вашу кровь? Для кого английский народ трудился в кровавом поте и лил кровь в течение поколений? И какую получил награду? А вот какую, что теперь, в 1859 году оскорбляют его и с вельможеской надменностью говорят ему, что неприлично впускать его в число избирателей нашей земли (так, так!)! Вот меня винят, что я говорю факты, неприятные для нашей аристократии. Правила нами она долгий период, и мы видим результат. А если я и сказал что-нибудь против них, они и их защитники отомстили за себя полным поруганием над характером великого английского народа, о котором они говорят, что небезопасно допускать его на выборы; и что если допустить его, то Англия будет страной смут и насилий, а не порядка и мира, как теперь! (Крики: дурно, дурно!)

«Так будем же помнить, что от реформы должны быть результаты; и если вы хотите какой-нибудь важной перемены, то каков путь к ее получению? Вообще вас принуждают вести спор до того, что шаг остается до междоусобной войны. Это уже обратилось в такую привычку, что управляющее сословие не верит серьезности ваших желаний, пока вы не дойдете до этого предела. Вот они теперь говорят вам, что народ не желает реформы. Говорят: «вы не соберете ста тысяч человек на Ньюгольской горе в Бирмингэме; вы не соберете бесчисленных множеств народа в Ланкашире и Йоркшире с угрозой, что если биль не будет принят в течение недели, то они пойдут на Лондон». Разумеется, нет. И я надеюсь, что ничего такого не случится, потому что ничего такого не будет надобно (так, так!)! Но если они колят нам глаза тем, что этого еще нет, то их слова — доказательство, что в них есть мысль, может быть, бессознательная, — нет, и сознательная, — что ничего важного не приобрела у нас нация иначе, как доходя до самых границ насильственного действия. Мы — все равно, что покоренный народ, который борется против завоевателей; все равно, что ирландские католики, которые боролись против пришельцев-поработителей, протестантов; все равно, что ломбардцы, которые хотя борются против австрийцев. Когда вы получили реформу 1832 года, вы были на 24 часа от революции. Когда вы получили отмену хлебных законов в 1846 году, вам помогал ужаснейший голод, какого уже несколько сот лет не бывало в цивилизованных странах. А теперь, если вам нужна реформа, как вам получить ее? Посмотрите на вопросы меньшей важности. Возьмите, например, церковную подать*; это большое дело чувства, нежели денежной важности для кого-нибудь. Это — печать порабощения, и потому мы не хотим носить ее (аплодисменты); но вот уже двадцать лет идут прения о церковной подати в палате общин. Дело было и за 20 лет так же ясно, как теперь; но подать не отменялась. Возьмите также вопрос о баллотировке. Тотчас же после реформы 1832 года произносились в пользу баллотировки речи, столь же неопровержимые по доказательствам, как и следующие речи. А баллотировка все еще не введена в закон. Палату лордов и три четверти палаты общин, зависящие от нее, каждый год вотируют, как им приятно. Нужды нет, что огромное большинство народа хочет известного закона, — нет, чтобы провести какую-нибудь важную реформу через палату общин, вам нужно при нынешнем распределении депутатов такое большинство, которое обнимало бы весь народ (аплодисменты). Пока сэр Роберт Пиль не отменил хлебных законов, мистер Вильерс ни разу не мог получить больше 100 голосов в палате общин в пользу их отмены, а каждый знает, что хотя 100 депутатов не составляют и третьей части палаты общин, между тем из шести человек жителей королевства пятеро в то время уже давно осуждали хлебные законы (так, так!). Вот доказательство, что палата общин теперь вовсе еще не представительница народа. Нам нужно не то, чтобы вы передали великую политическую власть

* Которую люди всех исповеданий платят англиканской церкви.

от больших землевладельцев большим купцам или мануфактуристам, но чтобы равномерно по всему королевству все интересы, все мнения, все желания выражались в законодательной власти, чтобы депутаты, заседающие в парламенте, сознали, что они представители не какого-нибудь кружка, а великой нации, и когда это будет, вы увидите, что как мнение будет расти и укрепляться в нации, оно будет тихо, постоянно, всеильно возрастать в палате общин (аплодисменты). Вместо того, чтобы за каждую перемену бороться с вашим парламентом будто с чужеземным завоевателем, мы хотим, чтобы одна душа была у парламента и у народа, чтобы корона и правительство были сильнее и почтеннее, а народ счастливее и довольнее (так, так!). Теперь спрашиваю вас: неужели должно считаться дурным иметь такие мнения и проповедовать такое учение? Напротив, не значит ли это продолжать труды отцов наших и довершать их дело? Виновен ли я в возбуждении сословия против сословия, когда я хочу уничтожить стену разделения, производящую сословия, и сделать всех англичан братьями перед законом нашей земли? (аплодисменты). Каковы были цели моей двадцатилетней политической жизни? Вы, жители моего родного города, знаете это (аплодисменты). Я призываю вас свидетелями обо мне (продолжительные аплодисменты. Публика машет платками). Я трудился серьезно и успешно в союзе людей таких, как Вильирс, Кобден, Джибсон, Джордж Уильсон и многие другие, которых я не могу перечислить, но которые живут и вечно будут жить в моей памяти (аплодисменты). Я трудился с ними, чтобы дать народу насущный хлеб, и теперь каждый год привозится к вашим берегам на 20 миллионов фунтов съестных припасов; а всего только 14 лет тому назад вы не могли и слова сказать об этом, не подвергаясь обвинению в измене сословию ваших господ (так, так!)! Я трудился с серьезными людьми, чтобы снять с газет штемпель и ввести свободную журналистику; и я читал, что по уничтожении штемполя появилось 300 дешевых газет, ежедневно приносящих сведения обо всем почти в каждое семейство (аплодисменты). Я старался, но, грустно сказать, без успеха, чтобы драгоценный труд и еще драгоценнейшая кровь народа не расточались преступными правителями в преступных войнах, — и теперь сообразно, как мне кажется, всему своему прошедшему прошу для моих граждан того, что обещает им конституция, того, чтобы палата общин была верною и полною их представительницею (аплодисменты). Это требование справедливое (аплодисменты). Прошу всех моих сограждан сказать это требование не колеблющимся, не двусмысленным голосом. Скажите, и вас послушают. Просите таким тоном, чтоб его нельзя было не понять, и ваше желание наверное будет исполнено. Если вы потомки великих предков, как говорят ваши историки, не обесславьте их ныне. И если вы, как вы хвалитесь, — наследники свободы, то встаньте, заклинаю вас, и вступите во владение наследством вашим».

«(Мистер Брайт возвращается на свое место при громких и продолжительных аплодисментах)».

3 февраля собрался парламент. Важнейшее место в первых прениях его, т. е. в прениях об адресе или ответе парламента на тронную речь, должен был занять, разумеется, итальянский вопрос. Министерство, которому реформа представляется очень горькою необходимостью, вздумало было избавиться от нее прениями о войне и приготовлениях к ней. Но предводители вигов, Пальмерстон и Россель, в речах своих об адресе (в заседании 3 февраля) сильно напали на тори за эту уловку. В газетах те же насмешки, то же горькое осуждение отразилось еще с большею силою. Из переводимой нами в приложении статьи Times'a читатели узнают, почему виги и расчетливая часть тори требуют скорейшего начала прений о реформе. Они видят, что агитация

растет с каждым днем, и что если отложить реформу до следующего года, то старые партии должны будут сделать реформерам гораздо больше уступок, нежели теперь. Вот это — истинная мудрость государственных людей! Дело им очень неприятно, но оно требуется общественным мнением, стало быть, надобно как можно скорее сделать его, потому что каждую проволочкою только усиливались бы требовательность и неудовольствие, и каждый день отсрочки стоил бы в результате очень дорого для отсрочивающих. Виги и часть тори, поддерживавшие в этом случае требования реформеров, поступили чрезвычайно расчетливо. Но трудно было ожидать, чтобы Дерби и д'Израэли сделали такую неловкость, как попытка отсрочить прения о реформе до мая месяца; они люди умные, и, вероятно, не сделали бы такого промаха, если бы могли избежать его. Действительно, говорят, что билль о реформе был у них готов, и они хотели внести его в парламент в первом же заседании; но между их товарищами есть дикобразы, которым д'Израэли и Стенли не всегда успевают вбить в голову неизбежность уступок общественному мнению для избежания гораздо больших потерь. Эти дикие господа объявили, что билль д'Израэли слишком либерален, что они не согласны на него. Лучше всего было бы лорду Дерби выгнать из кабинета таких компрометирующих его товарищей и заменить их людьми более рассудительными, как уже выгнал он лорда Элленборо; но почему-то он не повторил своего хорошего дела в большем размере, не выгнал всех министров, не согласившихся с д'Израэли и лордом Стенли, — вероятно, не достало характера. Таким образом, прежний билль не годился, пришлось составлять новый. Но когда виги и большинство газет резко осудили лорда Дерби за то, что билль у него не готов, реформеры, в заседании палаты общин 7 февраля, потребовали, чтобы министерство поторопилось. Мистер Донкомб, радикал очень знатной и богатой фамилии, был выбран реформерами для исполнения роли того безжалостного мужа, о котором упоминает переведенная нами статья Times'a: «когда же ты кончишь свои вздохи? ты слишком долго вздыхаешь», сказал он мистеру д'Израэли, как Рауль — Синяя Борода говорил своей жене, желавшей отсрочить тяжелую минуту. Депутаты старых партий приняли его речь с большим огорчением, прерывали ее криками «беспорядок, беспорядок!» и тем выразили, как горько им глотать пилюлю, принятие которой предписано общественным мнением. Но делать было нечего, и мистер д'Израэли объявил, что представит свой билль о реформе 28 февраля. К чему же привела попытка отсрочить повиновение голосу общества? Лорд Дерби хотел в угодность своим нелепым товарищам отложить представление билля до четвертого или пятого месяца сессии, когда уже не осталось бы времени рассмотреть его, — чтобы таким образом оттянуть решение дела до следующей сессии, т. е. до следующего года. Это не удалось. Вместо годичной

проволочки, успели сделать проволочку на две недели, а сами подверглись общему посмеянию и выставили напоказ публике свою слабую сторону: теперь все увидели, что тори не хотят прений о реформе, а все-таки принуждены начать их, стало быть, действуют не по доброму желанию, а против воли, из-под палки. Выгоден ли был, спрашивается теперь, их образ действий для них самих? не слишком ли дорого заплатили они за две недели отсрочки?

Кроме этих двух важнейших дел современной истории — итальянского вопроса и английского реформистского движения — довольно важное место между событиями нынешнего года занимают агитация на Ионических островах, переворот в Сербском княжестве, выбор господаря в Молдавии и Валахии и переворот в Гаити.

Со времени учреждения греческого королевства жители Ионических островов постоянно требовали, чтобы Англия избавила их от своего протекторства и позволила им присоединиться к одноплеменной державе. Из этого иногда возникали смуты, которые подавлялись насильственными мерами со стороны Англии. Но все-таки Англия оставляла Ионическим островам представительную форму правления и свободу слова. Правда, лорду комиссару (генерал-губернатору) была предоставлена очень обширная власть, так что он мог решительно не слушать ионических депутатов, но все-таки — представительная форма и свобода печатного слова служили к тому, что желание ионийцев и их жалобы делались известными целой Европе. Само собою разумеется, что при таких условиях английское правительство не было притеснительно для ионийцев⁶. По всему видно, что во внутренних делах им была предоставлена довольно широкая свобода; но чувство национальности нельзя было заглушить ничем, и в прошлом году ионическая палата депутатов снова приняла решение, что ионический народ требует присоединения своего к Греции. Тогдашний лорд комиссар Джон Юнг посылал по этому случаю лондонскому кабинету несколько записок, в которых главная мысль была та, что для Англии лучше отказаться от хлопот с Семью Островами, протекторат над которыми ей убыточен, и оставить за собою только военную позицию на острове Корфу, предоставив остальным островам соединиться с Грецией. Случайным образом эти депеши, которые правительство хотело хранить в тайне, были переданы в редакцию газеты «Daily News», и она напечатала некоторые из них, полагая, что они присланы с согласия министерства. Узнав противное, редакция остановила обнародование остальных депеш, но и напечатанных было слишком достаточно для того, чтобы министерству нельзя было не позаботиться об ионическом деле. Признание самого генерал-губернатора, что Англии следует отказаться от своего протектората, произвело сильное

впечатление на публику, и надобно было что-нибудь сделать. Министр колоний Бульвер (известный романист) находится в хороших отношениях с предводителем пилитов * Гледстоном, который с прочими своими достоинствами соединяет славу отличного эллиниста (недавно он издал большое сочинение о Гомеровых поэмах) и очень расположен к греческой нации. Надобно прибавить, что Гледстон — человек очень гуманный, очень мягкого характера и привлекателен в обращении. Министерство думало, что такой человек может примирить ионийцев с английским протекторством и придумать в их политическом устройстве улучшения, которые склонили бы их забыть о Греции. Разумеется, такой важный государственный человек, как Гледстон, принимал на себя только временное поручение: предводители парламентских партий считают слишком низким для себя даже пост генерал-губернатора Ост-Индии; и если Гледстон согласился съездить на Ионические острова во время парламентских вакаций, это надобно приписывать особенному желанию его сделать что-нибудь в пользу греков.

Чрезвычайный верховный комиссар действительно вел себя с ионийцами таким способом, который делает честь его характеру и лично приобрел ему чрезвычайную популярность. Впрочем, и прежний верховный комиссар, сменяемый Гледстоном, лично пользовался справедливою любовью ионийцев. При отъезде его старик Дандоло, предводитель самых пылких своих соотечественников, с особенною силою восстающих против английского протектората, сказал между прочим следующее:

«Позвольте мне, милорд, в минуту вашей разлуки с нами возвысить свой голос, голос свободного и независимого человека, которому теперь уже 70 лет, который никогда, ни прямо, ни косвенно, ничего не искал для себя у правительства. Я хочу сказать важную правду, которая, будучи долгом справедливости относительно вас, очистит нас от упрека в неблагодарности.

«Да, с самого приезда вашего к нам, милорд, я видел в вас любовь к добру, желание и решимость исполнять его. Когда я представил вам необходимость дать работу многочисленным беднякам, вы, милорд, согласились на мое желание и выпросили от вашего правительства значительные суммы, которые вот уже два года хранят и будут хранить бедных людей от нужды. И когда я был членом местной администрации, более всего был обязан я вашему содействию тем, что мог приносить пользу моей родине; то, что я сделал, должно быть обращено в честь вам.

«Мое сердце трепещет от радости, когда я вспоминаю, что в весь период вашего управления вы, милорд, не только не подвергли аресту ни одного человека, а, напротив, избавили многих из заключения и возвратили изгнанников их семействам. Да, ни одна капля слез не лежит на вашей совести, и если вы успели сделать не все, чего хотели, вина тому — не в вашем сердце».

Из этого можно заключать, что Ионические острова невольны английским правлением вовсе не за его жестокость или стеснительность, а единственно по чувству национальности.

* Сторонники Р. Пиля. — *Ред.*

Новый лорд комиссар созвал законодательное собрание 25 января; в первое же заседание Дандоло предложил палате депутатов выразить желание ионического народа соединиться с Грецией. При громких рукоплесканиях оно было принято и назначен комитет для обсуждения дальнейших мер, нужных для исполнения их желания; сначала они вздумали было сделать воззвание ко всем европейским народам, но Гледстон заметил им, что это было бы напрасным нарушением законных форм, и, послушавшись его доброжелательного совета (вовсе не приказания или угроз), палата приняла составленную комитетом просьбу к английской королеве. Вот текст этого документа, интересного по своему благородному тону:

«Ее величеству королеве Виктории, всемилостивейшей королеве Соединенного королевства Великобритании и Ирландии, защитнице веры и протектрисе Соединенных государств Ионических островов и проч.

«Прошение ионической палаты депутатов.

«Да выслушает милостиво ваше величество. Народ Семи Островов, всегда сохранявший мысль о своей национальности и желавший своего соединения с свободною Грецией, почтительно приближается к вашему могущественнейшему престолу, чтобы положить на ступени его подлинное выражение своего вечно-пламенного желания. Среди испытаний, постигших племя эллинов, ионический народ сохранил невредимо свою цивилизацию и удержал свою национальность и независимость.

«Трактат, заключенный в Париже 5 ноября 1815 года без участия ионического народа и отдавший этот народ под британское протекторство, имел единственною своею целью охранение маленького народа, который признан и объявлен в этом трактате отдельным, свободным и независимым государством. К этой цели направлены обязанности, принятые по трактату покровительствующею державою, и политические отношения, возникшие из них между Великобританиею и покровительствуемым народом. Но по учреждении Греческого королевства исчезла причина, на которой основаны были эти отношения, а с тем вместе естественно возникло горячее желание ионийцев к политическому соединению с освобожденною частью нации, с которою они неразрывно связаны происхождением, верою, языком, преданиями и безграничными жертвованиями общему делу.

«Из этого непреодолимого чувства происходили подавленные манифестации девятого ионического парламента и единодушное желание, выраженное одиннадцатым парламентом 20 июня 1857 года. Его превосходительство верховный чрезвычайный комиссар, которого угодно было вашему величеству послать в государство Семи Островов, также получил подлинные доказательства этого пламенного чувства и желания всего ионического народа.

«Исходя из этих соображений, представители ионического народа в своем парламентском заседании 15 (27) января 1859 года единогласно объявили, что единственным и единодушным желанием ионического народа было и остается соединение всего государства Семи Островов с Греческим королевством.

«Ионическое собрание, представляя это желание, просит ваше величество милостиво сообщить настоящее объявление другим европейским великим державам и при их содействии исполнить * священное и справедливое желание ионийцев.

* Это содействие предполагается нужным потому, что протекторат учрежден Парижским трактатом, стало быть, на отмену его, в случае согласия Англии, потребовалось бы согласие и других держав, подписавших трактат 1815 года.

«Представители ионического народа имеют утешительную надежду, что божественная милость, вооружившая некогда десницу Британии на защиту эллинской нации, вдохновит и ныне ваше величество, чтобы вашею могущественною помощью эта нация могла достичь своего национального восстановления и чтобы узы, возникающие из глубокой благодарности и непреложной симпатии, привязывали сердца эллинской нации к престолу вашего величества.

Д. Фламбургани, президент.
Н. Луси
И. Дусмани } секретари.

Корфу, 18/30 января
1859 года».

Гледстон сообщил эту просьбу обыкновенным законным путем в Лондон.

Разумеется, английское правительство отвечало на просьбу, что, к сожалению, оно не может исполнить желание ионийцев. Но вместе с этим ответом Гледстон сообщил ионическому собранию свой проект о тех реформах, которые могли бы до некоторой степени вознаградить ионийцев за невозможность удовлетворения чувству национальности. Его длинная записка, составленная в духе действительной заботливости о благе Ионических островов, предлагает им отменение всех ограничений, какими прежде была связана парламентская форма. Британское влияние будет совершенно отстранено от внутренних дел Семи Островов; лорд комиссар сохранит по внутренним делам только номинальную власть, потому что его распоряжения не будут иметь силы без подписи министров, а министров он обязан будет сменять по требованию ионического парламента. Кроме того, если ионический парламент недоволен им, то может посылать обвинение против него к королеве и отправлять депутата, который бы поддерживал это обвинение перед королевою и английским парламентом. Мы видим, что Гледстон предлагает ионийцам точно такую же свободу политического устройства, какую имеет сама Англия, и совершенную независимость от Англии во внутренних делах. Это первая половина его проекта, говорящая о том, что Англия может уступить ионийцам; вторая часть записки объясняет, что, по мнению Гледстона, ионийцы должны сами сделать для себя, и особенно эта половина проекта показывает, каким искренним доброжелательством к ним он проникнут. Он советует им изменить систему своих налогов и облегчить их (налоги и вообще внутренние дела были и прежде, как мы уже замечали, почти вполне предоставлены на волю ионийцев). Чтобы уменьшить расходы, Гледстон советует ионийцам заменить бюрократию самоуправлением; он объясняет им выгоды от понижения тарифа и вообще говорит о том, какими законами и стремлениями могут развить они у себя дух гражданской свободы и облегчить положение массы населения в своем государстве.

Разумеется, ионийцы приняли отказ королевы на их просьбу с большим неудовольствием, хотя, конечно, и не ожидали ничего кроме отказа. На проект Гледстона палата отвечала, что отложит совещание о нем, и, повидимому, хочет отвергнуть его весь, с объявлением, что только присоединение к Греции может соответствовать желаниям ионического народа.

Мы рассказали эти происшествия довольно подробно потому, что в них выражаются обе стороны нынешней английской иностранной политики — и сторона ненавистная, и сторона благородная. Удерживать в своей зависимости чужое племя, которое негодует на иноземное владычество, не давать независимости народу только потому, что это кажется полезным для военного могущества и политического влияния на другие страны, — это гнусно; но с тем вместе предоставлять этому народу полный простор в управлении своими делами, сохранять у него свободу печатного слова и парламентские формы, стараться развивать в нем те гражданские качества, которыми отличается сама Англия от континента, это — черта совершенно иного рода. Разумеется, из соединения двух противоположных стремлений, из смеси порабощения с свободой, эгоизма с доброжелательством выходит нечто очень странное. Порабощены или нет ионийцы? Да, потому что только иноземное войско держит их в покорности нынешнему образу правления; нет, потому что ни в Сардинии, ни в Бельгии, ни в самой Англии народ не пользуется свободой больше той, какую дают англичане Семи Островам. Народ свободно избирает своих представителей, эти представители дают законы для страны; все законы, все правительственные распоряжения свободно обсуждаются в открытых парламентских прениях и в печати. Народ свободно выражает даже свое желание отделиться от государства, к которому принадлежит по политическим трактатам, и на это требование отвечают ему кротким объяснением невозможности такой перемены; не думают о наказании, а, напротив, стараются смягчить отказ гуманным правлением и придумывают, нельзя ли сколько-нибудь вознаградить за него расширением гражданской свободы. Такова политика английского правительства, т. е. старых партий. Но старые партии — не английский народ; это — горсть людей, далеко отставших от нынешнего развития понятий в английской нации. Те газеты, которые не принадлежат старым партиям, прямо говорят, что Англия не должна держать в своей зависимости чужой народ, желающий быть независимым; они требуют, чтобы Англия отказалась от протекторства над Ионическими островами. И даже в старых партиях находятся люди, как Джон Юнг, сочувствующие этому взгляду, признающие справедливость желания освободиться от их власти в том народе, которым они посланы управлять. Вот какие черты Англии обнаруживаются ходом вопроса об Ионических островах; и дело это, незначительное по малому

объему той страны, о судьбах которой идет речь, важно потому, что на нем можно изучать дух Англии.

Ионический вопрос мало кого занимал, кроме самих ионийцев и англичан. Но внимание целой Европы было обращено на события в жизни двух других небольших племен, сербского и валахо-молдавского. Наш обзор уже так длинен, что сербские события, особенно любопытные для нас по нашему родству с сербами, мы решились изложить в особенной статье. Это тем удобнее, что с прибытием князя Милоша и распушением скупщины переворот, происшедший в Сербии, повидимому, завершился, и рассказ о нем, вероятно, останется уже законченным целым⁹. Стало быть, нам надобно только сказать несколько слов о валахо-молдавских событиях.

Россия сочувствовала желанию румынского племени соединиться в одно государство. Симпатия легко переходит в надежду. Во время парижских конференций в нашей публике была уверенность, что дипломатическими переговорами осуществится стремление румынов составить одно государство. Как всегда, уверенность эта оказалась самообольщением. Единство Молдавии и Валахии дано было только по имени; оно ограничивалось почти только одинаковостью знамени и правом этих двух провинций учреждать центральную комиссию для обсуждения отдельных вопросов, касающихся обеих областей. В каждом княжестве была оставлена особенная административная и законодательная власть, каждое должно было иметь своего особенного господаря и свой отдельный парламент.

Собрались эти парламенты, должны были избрать господаря. Австрия и Турция употребляли всевозможные усилия, чтобы не допустить в парламенты людей национальной партии, желавших соединения, и насильственными средствами ввести туда своих клиентов, изменников национальному чувству. Однако же молдавские депутаты, собравшиеся раньше валахских, выбрали господарем такого человека, на которого вполне могла положиться нация, желавшая соединения, — Александра Кузу. Это смутило Турцию и Австрию. В Константинополе хотели отказать в утверждении молдавскому выбору, основываясь на том, что избранное лицо не удовлетворяет некоторым условиям, определенным для господаря дипломатическою конвенциею 19 августа. Но вот собрался валахский парламент; депутаты его были выбраны под влиянием интриг и насилий Турции, поддерживаемой Австриею. Большинство их состояло из людей, которые, повидимому, не сочувствовали национальному желанию. Но мало-помалу они прониклись его влиянием, и в решительную минуту бывшие интриганты и реакционеры явились патриотами. Было множество разных кандидатов на сан господаря. У каждого была своя партия между депутатами. Когда собрались депутаты, один из претендентов, Бибеско, имевший на

своей стороне временную администрацию (каймаканию) Валахии, окружил войсками дом заседаний парламента, чтобы силою принудить депутатов избрать его, арестовав тех, которые стали бы говорить против насилия. Но население Бухареста обступило войска и потребовало, чтобы они удалились. Войска и их начальники не захотели действовать оружием против своих братьев, которым сочувствовали. Переговоры тянулись несколько часов, наконец, каймакания принуждена была приказать войскам удалиться. Депутаты прежде всего занялись очищением своего собрания от тех членов, при выборе которых было сделано особенно много противозаконных обманов или насилий. Из них несколько человек, увлекаясь энтузиазмом окружавшего их народа, сами отказывались от звания депутатов. Вечером в тот день (4 февраля) происходили частные совещания между депутатами, оставшиеся тайною для публики. Все предчувствовали только, что на другой день должна решиться судьба и Валахии, и Молдавии: она зависела от того, согласен ли будет валахский выбор с молдавским.

Едва открылось на другой день заседание, депутат Бюереско подошел к президенту (митрополиту) и попросил его перейти с депутатами из залы публичных заседаний в соседнюю залу для выслушания важных вещей. Митрополит несколько времени колебался, но должен был уступить; депутаты вышли в особенную залу. Тут Бюереско в пламенной речи изложил важность настоящей минуты, обязанность депутатов пожертвовать своими личными пристрастиями для того, чтобы явиться действительно представителями национальной мысли. «Желание нации может быть исполнено, — сказал он, — только в таком случае, если Валахия соединится с Молдавией, а для этого одно средство — соединиться с молдавскими братьями и провозгласить господарем того самого человека, который уже выбран ими». Никто не мог устоять против увлечения. Один за другим претенденты на сан господаря всходили на кафедру: первый — Голеско, за ним — Гика. Кантакузен и другие: каждый клал руку на евангелие и клялся подать голос за Александра Кузу. Восторг увлек всех депутатов; они закричали: «да здравствует Куза!». Этот крик донесся до залы публичных заседаний, и зрители, бывшие на трибунах, повторяя его, побежали на площадь сообщить патриотическое решение депутатов народу, толпившемуся на площади. Все кричали «ура!» и обнимались.

Депутаты возвратились в залу публичных собраний, началась баллотировка, и на всех 64 избирательных билетах, вынутых из урны, было написано одно и то же имя: Александр Куза Молдавский.

За два дня, за день, за несколько часов до этого решения никто в Бухаресте не ожидал его. Неописанный восторг овладел всем населением при удивительном известии.

В ту же минуту электрический телеграф сообщил в Яссы Александру Кузе просьбу Валахии быть ее господарем. Напрасно временное правительство Валахии, проникнутое турецко-австрийским духом, говорило, что будет ждать из Константинополя инструкций о том, как поступить ему. На другое утро вновь избранный господарь уже назначил новое министерство, которому без сопротивления должна была передать власть каймакани, потому что весь валахский народ был единодушен.

Можно вообразить себе изумление и гнев константинопольского дивана при известии о валахском выборе. В первую минуту турки заговорили, что это невозможно допустить, что надобно послать войска для низложения Кузы в обоих княжествах. Но скоро одумались, и сама Турция стала просить державы, уполномоченными которых была составлена конвенция 19 августа, чтобы назначена была новая конференция от всех этих держав для разрешения валахо-молдавского вопроса. Конференция скоро соберется. Франция уже решила требовать, чтобы Куза был признан господарем Валахии и Молдавии и были изменены те статьи прежней конвенции, которые оказались несогласны с желанием румынов и противоречат соединению двух дунайских княжеств под управлением одного господаря. Большинство других держав, участвующих в конференции, будут требовать того же. Если не вспыхнет война между Францией и Австрией до окончания конференции, решение не подлежит сомнению. Австрия и Турция должны будут уступить настояниям других держав, и выбор Александра Кузы в обоих княжествах будет утвержден¹⁰.

Станным образом отражается общее направление событий даже в таких отдаленных краях земли, о которых и не думает Европа. Лет десять тому назад читатели карикатурных журналов хохотали над картинками, представлявшими Сулука в костюме Наполеона I, подражанием которому он гордился, подобно ему превратившись из президента республики в императора. После того о Сулуке забыли. Но его неграм не было от того легче. Сулук решительно хотел быть гаитским Наполеоном I. Он беспрестанно воевал с соседнею республикою Сен-Доминиканскою и сильно притеснял собственных подданных. Окружая себя блеском, он сочинял в своей империи аристократию, жаловал своих слуг титулами князей, герцогов, маркизов. Титулы великолепных аристократов бывали иногда занимательны: был герцог Лимонад, был герцог Мармелад и т. д. Но каков бы ни был выбор фамилий, этим герцогам и самому Сулуку для надлежащего великолепия нужно было много денег; подданные разорялись и роптали; Сулук наказывал, как следует, недовольных: изгонял их, сажал их в крепости, казнил. Неудовольствие росло, и наконец не стало сил переносить блистательное правление Фаустина I. Негритянский генерал Фабр Жефрар 22 де-

кабря (нового стиля) прошедшего года вышел из столицы Сулука Порт-о-Пренса, [пришел] на берег, сел в лодку с своим сыном и двумя товарищами и доехал до города Гонайва, соседнего с Порт-о-Пренсом. Когда он вышел из лодки, к нему подошли несколько человек, у которых было приготовлено пять лошадей, и они въехали в город с криками: «*Viva la république, viva la liberté!*» *

Никто их не останавливал, они дошли таким образом до главной гауптвахты и приказали караульному барабанщику бить тревогу, потом поехали к дому губернатора. По дороге встречались им политические преступники, осужденные Сулуком на каторгу и работавшие в разных местах города. Они освобождали их. К ним приставали жители. Губернатор сначала колебался, потом и сам присоединился к Жефрару; с ним перешли все другие чиновники. На следующий день генерал Жефрар был провозглашен президентом Гаитской республики, а генерал Сулук (так называли его в официальной прокламации) был объявлен подлежащим суду за противозаконные действия.

24 декабря Жефрар пошел к Сен-Марку, укрепленному городу, комендант которого со всем гарнизоном принял его сторону. Теперь у Жефрара было целых два полка и крепость; оставаясь в ней, он ожидал приближения Сулука, а между тем соседние города один за другим присоединялись к новому правительству. Сулук собрал войско и пошел на Жефрара, власть которого признавалась уже всею северною половиною гаитского государства; войско у Сулука было гораздо многочисленнее, чем у Жефрара, но солдаты не хотели сражаться за него, потому он должен был отступить в столицу. Жефрар пришел вслед за ним и послал к нему парламентаря требовать отречения, обещая пощадить его жизнь. Сулук сказал, что подумает; но пока он думал, солдаты его положили оружие. Узнав об этом, Сулук немедленно занялся сочинением следующей прокламации:

«Гаитяне! призванный волею народа к управлению судьбами Гаити, я постоянно посвящал все мои усилия и заботы благу моих подданных и счастью отечества. Я надеялся, что могу рассчитывать на привязанность тех, которые облекли меня верховною властью, но последние события не позволяют мне сомневаться в чувствах народа.

«Я так люблю отечество, что не колеблясь жертвую собою общему благу.

«Я слагаю свой сан, единственным желанием имея то, чтобы Гаити могло быть так счастливо, как всегда желало мое сердце.

«В Порт-о-Пренсе. 15 января 1859 года, в лето 56 независимости».

«Фаустин».

Прокламация, как видим, написана так, что сделала бы честь европейскому перу.

Переворот совершился мирно, не пролито было ни одной капли крови. Президент восстановленной республики, Жефрар,

* На Гаити говорят ломаным французским языком.

поступил с Сулуком, столь заботившимся о благе своего народа, как нельзя милостивее. Он позволил Сулуку свободно сесть на корабль и ехать куда ему угодно. До отъезда на корабль он оказывал ему защиту от ненависти народа, хотевшего растерзать Сулука; и для проводов его до корабля по улицам города прошел сам, потому что без него Сулук не дошел бы живым до своего убежища.

На старость дней Сулук успел приготовить себе хорошее пропитание: в разных европейских банках у него лежит более 3.000.000 руб. серебра.

Жеффрар освободил всех политических преступников, заключенных Сулуком в разные крепости, и просил возвратиться всех изгнанников. Он объявил сен-доминиканцам, что желает хранить с ними дружбу. До сих пор действия его показывают человека благородного и бескорыстного. Он — мулат, теперь ему около 50 лет. Он имеет известность хорошего генерала, просвещенного и очень умного человека, и всегда пользовался большою любовью народа за гуманность характера и образа мыслей.